

Александра Алтера

Осирела

ПЕСКИ ДЖАКАРТЫ.
ЗНАК
СКОРПИОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Альтера

**Эстрела. Пески Джакарты.
Знак Скорпиона**

«Автор»

2026

Альтера А.

Эстрела. Пески Джакарты. Знак Скорпиона / А. Альтера —
«Автор», 2026

Джакарта давно привыкла жить с одной болью — два года назад бесследно исчезли ее родители. С тех пор девушка путешествует по Восточному Тимору, цепляясь за надежду найти их след. Однажды судьба приводит ее на остров Жаку — место, о котором ходят пугающие легенды. Отсюда исчезают люди, а местные стараются держаться подальше от его берегов. Но Джакарта чувствует необъяснимое притяжение к острову и решает остаться. В Дили она встречает Джафари — загадочного молодого человека, который словно знает об острове больше, чем говорит. Между ними возникает связь, которой Джакарта не успевает дать имя, прежде чем привычный мир начинает рушиться. Дурные сны становятся реальностью. Древние тайны выходят наружу. А однажды Джакарта обнаруживает, что сама стала частью легенды, связанной с островом Жаку. Чтобы узнать правду о родителях, ей придется отправиться туда, куда другие боятся ступить, — навстречу проклятию, которое способно изменить не только ее судьбу.

© Альтера А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	58
-----------------------------------	----

Александра Альтера

Эстрела. Пески Джакарты.

Знак Скорпиона

Пролог

Остров Жаку, Восточный Тимор, 2000 год

Остров Жаку¹, всем известный как необитаемый, таил в себе множество загадок еще с тех пор, когда оттуда странным образом начали пропадать люди. По легендам, остров считали священным, и его посещение было запрещено.

Местное население, которое издавна обитало на этой земле, разделилось на две группы, готовые противостоять друг другу за свою правду. Но какой ценой доставалась им эта правда, когда ни одна из сторон не могла предоставить другой достоверные факты и утверждения?

Завязался некий конфликт, который разматывался, как паутина, во времени, переходя из года в год и вызывая недоумение у наблюдателей из далеких земель. Но со временем этот конфликт утих. Подогревать его было бессмысленно, потому что ни у кого не было преимущества. Каждый самовыражался как мог, лишь бы его заметили и кивали в знак согласия. В той суете казалось, что важнее не сама истина, а количество голосов, звучащих в защиту того или иного мнения.

Жертвой этого разлада стала жизнь одной девушки, чье имя было высечено на камне у побережья острова.

Каждый день к тем берегам в поисках добычи приплывали рыбаки с острова Тимор², среди которых был мужчина по имени Васко. Он не знал, кто эта девушка и почему ее имя красуется на одном из камней, постоянно омываемых волнами. Но он непрестанно молился за ее душу. Это место стало для него святыней, где он стремился обрести свой покой и умиротворение, а мысли о незнакомке были для него своего рода божественной энергией, которую он впитывал в себя.

«Лодка ждет...» — мелькнула мысль в голове у Васко, но он не хотел так быстро прощаться с местом своих тайных молений. Глянув на своего напарника, он крикнул:

— Альфредо, отплывай! — тем самым намекая не ждать его.

Альфредо, не задерживаясь ни на секунду, начал отчаливать от берега, с удивлением поглядывая на своего напарника.

Что-то заставило Васко задержаться на берегу острова Жаку и не торопиться обратно к себе домой. Как ни парадоксально, его временное пристанище там, откуда он прибыл сюда, представляло собой подобие ада, возвращаться в который у Васко не было ни малейшего желания. Даже этот камень с выбитым на нем девичьим именем был для этого мужчины гораздо приятнее и, как ему казалось, мог хоть как-то облегчить его душевную боль.

Васко обвел взглядом остров и с нескрываемым восхищением воскликнул:

— Как же тут, черт возьми, красиво!

Эта фраза отозвалась эхом в тишине, словно природа сама откликнулась на его восхищение, подчеркивая всю величественную прелесть этого мгновения. Но изумление и вздохи рыбака, вызванные красотой момента, внезапно прервал оглушительный раскат грома.

Небо стремительно заволокло тучами, а пространство вокруг резко помутнело, будто сама природа предупреждала Васко об опасности. Однако он лишь кивнул в ответ на этот знак

¹ Жаку — небольшой остров, входящий в группу Малых Зондских островов.

² Тимор — остров в Юго-Восточной Азии, расположенный между Индонезией и Австралией. Разделен между государством Восточный Тимор и индонезийской провинцией Восточная Нуса-Тенгара. Хотя в реальности остров населен, в контексте художественного произведения он может восприниматься как экзотический или отдаленный край.

свыше и улегся на теплый песок, чтобы с гибельным восторгом внимать раскатам грома, звучащим с полной силой.

Природа же поистине разбушевалась. Тепло от песка, которое Васко несколькими секундами ранее чувствовал всем телом, мгновенно сменилось холодом. Тьма окутала остров своей мрачной вуалью, погружая все вокруг в бездну забвения. Теперь в крошечной тьме светили одни лишь молнии, и их вспышки сопровождали звонкие раскаты грома, которым Васко поначалу так охотно внимал.

Вдруг он почувствовал чье-то прикосновение и резко повернулся на бок в стремлении понять, кто же вдруг оказался с ним рядом. «Альфредо?» — единственное, что вспыхнуло в сознании мужчины в этот момент. Вот только рядом не было ни его друга, о присутствии которого можно было только мечтать в эти страшные и беспокойные минуты, ни кого-то еще из рыбаков.

Понимая, что страх сильнее собственных убеждений, Васко решил встать. Оттряхнув песок с одежды, он побежал к берегу, надеясь разглядеть в прибрежных волнах своего напарника, но Альфредо уже давно отчалил от берегов Жаку и уже был неподалеку от острова Тимор, скрытого сейчас за туманной дымкой.

Сердце мужчины забилося в бешеном ритме. Он уже тысячу раз пожалел о том, что отпустил своего друга, и злился на Альфредо, что тот даже не настоял, чтобы Васко отплыл с ним, и не предложил никакой помощи. Вдруг, словно подкрепляя плохую погоду, начался дождь.

Мужчина снова поднял взгляд к небесам, где можно было наблюдать танец теней, отражавший его терзания — смутные и одновременно жестокие. Дождевые капли струились по его лицу, словно слезы, сливаясь с горечью его сожалений.

Обычно он чувствовал, что судьба милостива к нему, но в этот миг Васко воспринял мир иначе. Пару минут он находился в ожидании, пока тучи, подобные густой тканевой завесе, не начали расступаться.

Но не успел он порадоваться тому, что мрачные облака стали светлеть, как вдруг услышал душераздирающий женский крик, пронизывающий сердце до самой глубины. Васко, обуянный ужасом, закрыл уши руками, не в силах вынести этот пронзительный звук.

Мужчина сходил с ума. Он думал, что это какое-то проклятие. Это казалось странным для человека, который всю жизнь посвятил благородным делам и нашел свое убежище среди тишины и спокойствия. Но именно здесь, в этой безмолвной гавани, его внутренний мир вдруг оказался в полном диссонансе... Или вовсе разрушился?

В следующую секунду рядом с Васко ударила молния, обнажив себя в ослепительном величии прямо перед его глазами.

Глава 1. Страх во тьме

Иногда стоит рискнуть, чтобы узреть то, что сокрыто во тьме.

Пляж Кристо-Рей, столица Восточного Тимора — Дили, 1998 год

В один из таких тяжелых дней, когда слух о споре дошел и до жителей столицы Восточного Тимора, противников и вовсе стало больше. Краски на небе сгущались с небывалой прежде интенсивностью. Шум моря сегодня был особенно тихим, словно предвещая что-то поистине беспокойное, не сравнимое даже с самой крупной волной. На мысе Фатукама³ сегодня царила полная тишина, окутанная сгущающимся туманом. Этот мыс, расположенный на северо-восточной оконечности залива Дили, всего в семи километрах от самого сердца города, казался загадочным и манящим.

³ Мыс Фатукама — живописный мыс на северо-восточной окраине города Дили, столицы Восточного Тимора. Здесь расположена знаменитая статуя Христа — одна из главных достопримечательностей страны и символ духовной защиты народа.

На пляже Кристо-Рей⁴, раскинувшемся неподалеку от мыса Фатукама, к северо-востоку от Дили, собралась многочисленная толпа, полная стремления выговориться и обрести искомого врага. Каждый из них пришел сюда с готовностью поведать свою правду, надеясь, наконец, разгадать таинственную легенду острова Жаку. Атмосфера была напряженной и наполненной ожиданием.

Люди искали не просто причастных к происходящему, но и понимания, желая разъяснить для себя неясные события, овеянные мифом. Статуя Иисуса, величественно возвышающаяся на мысе, казалась свидетелем их деяний, а ее благословляющая поза словно служила предупреждением о безмерном величии всевышней силы.

Статуя Спасителя как будто охраняла тайны, которые шептали волны, и в то же время намекала людям на возможные перемены в их судьбах. Собравшиеся то и дело посматривали в сторону монумента, будто бы прося у Бога помощи в их замыслах. Мысли людей были подобны ветру, не находящему себе покоя: их тревога разливалась в воздухе, напоминая о грядущих переменах. Жители, собравшиеся на побережье, обменивались озабоченными взглядами, их ожидания напоминали бескрайнее море в преддверии шторма.

Когда казалось, что все, кто с безмерным стремлением жаждал поучаствовать в этом коварном замысле, уже собрались, первый голос раздался из уст статного мужчины по имени Атон.

Он уверенно вышел на середину пляжа, подобно герою меж двух огней, под палящими взглядами двух толп, стоящих друг напротив друга. На прилегающее к телу одеяние Атона была наброшена накидка, украшенная чем-то вроде стилизованных лохмотьев, но под ней угадывалось что-то вроде военной амуниции. Подняв правую руку вверх, он свистнул так, чтобы все взгляды устремились на него одного. Женщины, стоявшие поодаль от Атона, слегка опешили от этого свиста.

— Пора бы прекратить эту безумную болтовню, господа! — строгим тоном заявил он, обводя взглядом толпу.

Тем временем на острове Жаку

Девушка по имени Джакарта дремала на холодном камне неподалеку от морского берега, когда внезапное ощущение тревоги разбудило ее. Она почувствовала беспокойство, так как перед этим ей показалось, будто кто-то громко кричал, и теперь она окидывала взором могучие пальмы, стоявшие вокруг, как немые свидетели ее испуга.

«Снова дурной сон...» — вздохнула она про себя, погружаясь в пучину темных мыслей. В ней жил огонь, жаждущий жизни и любви, но теперь этот огонь угасал под натиском тревожных событий.

Джакарта обитала здесь, в Дили, вместе с родителями, и с ранних лет очень часто приходила на пляж Кристо-Рей, чтобы вознести молитвы близ места паломничества — статуи Иисуса Христа из Дили⁵, величественно вздымающейся на мысе, в которой люди видели божественную силу и находили неизменную поддержку для своих важных жизненных ценностей.

Стоя на морском мысе, эта статуя словно охраняет надежды и мечты тех, кто обращается к ней за утешением. Ее присутствие наполняет пространство святостью, вдохновляя людей на глубокие размышления и духовные переживания. Взгляд Христа, устремленный на бескрайние просторы, словно несет в себе приглашение к духовному самоосознанию и внутреннему покою. Это место давало местным жителям надежду на светлое будущее, ведь в основной своей массе жили они бедно.

⁴ Пляж Кристо-Рей — известный пляж в окрестностях города Дили. Название означает «Христово Царство» и связано с расположенной рядом статуей Иисуса Христа, которая является местом паломничества, вдохновения и духовного поклонения для местных жителей.

⁵ Статуя Иисуса Христа из Дили — колоссальная статуя Иисуса Христа высотой 27 метров, стоящая на постаменте в виде земного шара на мысе Фатукама в Дили.

С годами, когда Джакарта стала взрослее, в сердце ее расцвела мечта о путешествиях. Вместе с другими исследователями она отправлялась на далекие острова, и особенно ее привлекал таинственный остров Жаку, который манил своими незнакомыми берегами и возможными открытиями чего-то нового.

При первой своей встрече с этим островом она с удивлением узнала, что там есть католическая церковь, воздвигнутая в честь святого Иакова — святого, о котором она уже знала, посещая католические храмы в Дили. Также Джакарта узнала, что на острове Жаку есть монастырь, где живут монахи. Это известие пробудило в ней глубокое желание остаться здесь, ведь волшебная энергия, струящаяся среди морского бриза и теплого воздуха с острова, наполняла ее необычными ощущениями и укрепляла ее веру.

В стремлении постичь красоту этих чудесных мест ей оказал поддержку человек по имени Джафари. Он, словно проводник в мир забытой культуры, с любовью к деталям рассказал ей о значении каждого камня и каждой постройки. Его речи говорили о его огромной увлеченности, пробуждая в девушке интерес к многовековой истории и традициям.

За месяц до этих событий, Дили

Однажды днем Джакарта прогуливалась по оживленным улицам солнечной столицы Восточного Тимора — Дили. И это прозвище было дано городу не случайно. Ведь одно из названий этой страны — Тимор-Лоросае⁶ — звучало как обещание: «Восходящее солнце». Говорили, будто кто-то из горожан мимоходом обронил это сравнение в беседе, и с тех пор оно прижилось, зазвучало повсюду. Дили действительно словно купался в лучах солнца, и его прозвище было заслуженным.

В Дили солнце всегда чувствовалось кожей. Оно проникало сквозь листву пальм, согревало камни мостовых. Даже на тенистых улочках, где прятались от зноя особняки, построенные в колониальном стиле, ощущалось его незримое присутствие. Утром, когда первые лучи окрашивали горизонт в нежные оттенки розового и золотого, город просыпался. Рыбаки отправлялись в море, торговцы раскладывали товар на шумных рынках. Вечером, когда солнце начинало клониться к закату, город опять преображался. Небо вспыхивало яркими красками, море отражало их, и Дили казался объатым пламенем. Это было время романтических прогулок, душевных разговоров и неспешных ужинов. Солнечная столица готовилась к ночи, чтобы утром вновь встретить восходящее солнце.

Взгляд девушки невольно ловил яркие краски местных рынков, где фруктовые горки утопали в солнечном свете и цветочные гирлянды пленяли своим ароматом. Она задерживалась возле каждого киоска, с любопытством разглядывая изделия ручной работы, изящные плетеные корзины и яркие платки из тканей с местными орнаментами, словно рассказывающие истории о здешних древних традициях. Особенно ее манил рынок Манлеуана⁷, раскинувшийся на главной улице города, Коморо-роуд⁸. Здесь продавались предметы домашнего обихода и свежие продукты. Джакарта с удивлением разглядывала различные безделушки, чем вызывала улыбки у местных продавцов. Девушка не могла позволить себе некоторые из них, ведь хоть уже и зарабатывала из-за семейных обстоятельств, которые и на данный момент обременяли

⁶ Тимор-Лоросае (Восточный Тимор, или Тимор-Лешти, иногда Тимор-Лесте) — государство в Юго-Восточной Азии. Название «Тимор-Лоросае» некоторое время являлось официальным и прежде использовалось наряду с названием «Восточный Тимор».

^{7 7} Манлеуана — крупнейший и самый известный рынок в Дили, столице Восточного Тимора. Здесь можно найти широкий ассортимент свежих фруктов, овощей, морепродуктов, а также традиционных ремесленных изделий и текстиля. Рынок является важным центром торговли и культурного обмена для местных жителей и туристов, отражая повседневную жизнь и традиции Восточного Тимора.

^{8 8} Коморо-роуд — одна из главных улиц в Дили, столице Восточного Тимора. Согласно описаниям в путеводителях и городских картах (например, Lonely Planet и OpenStreetMap), эта улица является важной транспортной артерией с множеством рынков, магазинов и общественных учреждений. Коморо-роуд связывает центральные районы города и служит оживленным торговым и социальным центром для жителей Дили.

ее, но довольно мало. С шестнадцати лет девушка трудилась, помогая соседям в сельскохозяйственных работах. Труд оплачивали достойно, но он был тяжелым и приглашали ее нечасто, так что непостоянные доходы не позволяли девушке мечтать о многом.

Внезапно ее внимание привлек высокий и очень смуглокожий молодой мужчина, чей вид резко контрастировал с суетой, царившей вокруг: он недвижимо стоял в глубоком молчании чуть поодаль от Джакарты. В его глазах блестели слезы — следы только что завершенной молитвы. Судя по всему, он только что покинул расположенный неподалеку храм, где искренне обращался к высшим силам. Джакарта не смогла просто так пройти мимо и подошла ближе к нему, чуть дотронувшись до его плеча.

— С вами все в порядке? — искренне спросила она, глядя на него снизу вверх.

Его глаза были словно отражением океана — такими же чистыми и прекрасными, а в отблесках слез и вовсе стали переливисто-сияющими, как топазы или сапфиры. Молодой человек просто улыбнулся и, словно изучая ее душу, ответил:

— Кто молится каждый день и исповедует свою веру, беды не знает.

Так они начали беседу, которая текла на языке тетум⁹ — одном из двух официальных языков Восточного Тимора, отражая культуру и дух этой земли. Плавные движения рук и мелодичный голос молодого мужчины излучали такую правду, что Джакарта почувствовала: он говорит не только словами, но и сердцем — искренне, без тени лукавства и тщеславия. Обратив свой взор на культовое сооружение, Джакарта, удивленная, несколько раз моргнула. «Казалось, хожу тут целую вечность, а обратила внимание на этот храм только сейчас...» — эта мысль, словно легкий ветер, пронеслась в ее сознании. В этот миг она поняла, что истинная красота часто скрыта в мелочах, мимо которых так легко пройти.

— Как называется эта церковь? — произнесла она, глядя на небольшое, но крепкое здание с ослепительно белыми стенами и традиционной красной черепичной крышей. Сбоку в него была встроена довольно высокая колокольня квадратного периметра, увенчанная маленьким красным куполом, с часами на стене. Фасад церкви украшали стрельчатые арки и высокие витражные окна, а неподалеку от входа стояли статуи: одна скульптурная группа изображала Святое семейство, другая — какого-то святого с младенцем на руках, держащим свиток. Все это мягко светилось в теплом солнечном свете. — Раньше я ее здесь почему-то не видела, — добавила она с легким недоумением.

— Или просто не замечали, — уточнил мужчина. — Это Сан-Антонио-де-Мотаэль¹⁰. Она является старейшей римско-католической церковью во всем Восточном Тиморе.

Девушка немного смутилась, но все же ответила:

— Возможно, и не замечала. Я не так уж часто посещаю местные храмы, но в последнее время и вовсе перестала — из-за отсутствия ясного ума...

— Как это понимать? — с легкой усмешкой поинтересовался мужчина, вглядываясь в растерянное лицо девушки.

— С недавних пор меня мучают дурные сны, и мне кажется, что со мной или вокруг меня творится нечто странное.

— Именно поэтому необходимо очищение, — тут же произнес ее собеседник. — И чем чаще посещать церковь, тем спокойнее будет на душе.

— За тем я и здесь, — с твердым намерением произнесла Джакарта.

— В таком случае могу вам помочь. Если хотите, могу провести экскурсию по храму, — уже более воодушевлено предложил он ей.

Понимая, что он совсем недавно оттуда вышел, Джакарта подметила:

⁹ Тетум (тетун) — австронезийский язык тетумов, государственный язык и один из двух официальных языков Восточного Тимора.

¹⁰ Сан-Антонио-де-Мотаэль — старейшая римско-католическая церковь в Восточном Тиморе, расположенная в Дили, столице страны. Она посвящена Антонию Падуанскому.

— Боюсь, вы станете там самым частым посетителем. Ведь вы только что были внутри... А возможно, я все усложняю...

Он лишь усмехнулся, в его взгляде читалась легкость:

— Меня уже все там знают, а вот вы как раз можете стать новой посетительницей этого чудесного храма. В ваших глазах читается такой интерес, что я вряд ли смогу отказать вам в вашем скрытом желании познать всю прелесть наступающего момента.

Теперь было неясно, кто из них сильнее жаждал войти в церковь. Впрочем, девушка была возмущена словами и ироничным тоном мужчины.

«В вашем скрытом желании...» — прокручивалось в сознании Джакарты, пока она негодовала в глубине своих мыслей, понимая, что и вправду не осмеливается озвучить все свои желания, которые ее собеседник, похоже, понял за пару минут общения с ней.

— Покажите мне эту чудесную церковь, — с вызовом в глазах и одновременно с непреодолимым желанием произнесла девушка, глядя на него.

Ее улыбка словно дала ему сигнал, и он немедленно кивнул Джакарте, будучи готовым провести ее в старинный храм.

— Уверен, вам понравится, — с хитрым прищуром ответил он, начав свой путь.

После того как Джакарта встретила его взгляд, ее охватило легкое смущение. Она редко проводила время в компании мужчин, поэтому ей было немного некомфортно. Но молодой человек, даже если и почувствовал ее смущение и переживания, не воспринял это близко к сердцу, хотя отметил для себя, что взгляд светло-зеленых глаз девушки стал немного обеспокоенным. Решив сменить тему, он спросил:

— А сколько вам лет? Вы совершеннолетняя? Уточняю именно потому, что вы — первая девушка, которую я здесь вижу одну, без сопровождения...

Задав эти вопросы, он слегка наклонил голову к Джакарте, словно пытаясь разглядеть в ее глазах подтверждение своим догадкам.

Сопровождение девушек было важным фактором в Восточном Тиморе из-за традиционных правил, которые помогали предотвратить сексуальное насилие. Женщинам нельзя обнажать руки, носить топы с глубоким вырезом, короткие юбки и тем более бикини. Им не разрешалось выходить за пределы своей жилой зоны в одиночку и нельзя находиться наедине с мужчиной, который им не родственник.

— Я без сопровождения, с тех пор как... как... — слова Джакарты переплетались между собой, теряя ясность и последовательность.

Мужчина, которого испугало внезапное сильное волнение девушки, хотел поинтересоваться, как она себя чувствует, но, вспомнив, что до сих пор даже не узнал ее имени, чуть придержал ее за локоть и, протянув к ней другую руку, сделал жест, призывающий к небольшой паузе.

— Мисс...? — его голос дрогнул, выдав внутреннее смятение.

— Джакарта. Джакарта да Коста.

— Джакарта... Необычное имя, я запомню. Позвольте и мне представиться: я — Джафари Эль-Шами.

— Очень приятно, Джа... — не договорив его имя, она внезапно схватилась одной рукой за голову, издав слабый стон.

Девушку настигла мучительная боль в области головы, отчего она начала слегка пошатываться.

— Я знаю это чувство... Вам нужно побыть в прохладе, тишине и покое. Храм — идеальное место для этого. Еще немного — и мы будем там.

До заветного места оставалось пройти лишь несколько метров, но Джафари не стал спешить, понимая, что девушке сейчас тяжело дается каждый шаг. Расстояние между ними сократилось до минимума. Джакарта немного обмякла в его руках, но в глубине души надеялась,

что ее новый знакомый примет это за просьбу о помощи, а не за что-то иное. И это действительно было так. Джафари и не смел думать лишнего. Напротив, ему было важно поддержать ее, и он подумал: «Как хорошо, что в этот момент я оказался рядом». Он старался подбирать правильные слова, дабы не перепугать еще сильнее эту юную девушку. Подол ее белоснежного платья теперь, когда она почти теряла сознание и ее едва держали ноги, волочился по земле, и Джафари решился на более безумное решение для него самого.

«Ох, испачкается же...» — пронеслось у него в голове, и в следующий миг он подхватил девушку на руки.

Джакарта, оказавшаяся резко поднятой на руки, слегка покосилась на мужчину, но продолжилось это недолго, ведь данный жест смог еще сильнее смутить девушку. Несмотря на преобладающее смущение, она попыталась скрыть его, резко возмущившись.

— Джафари! — воскликнула девушка с угрюмым тоном, ясно показывая свое недовольство.

— Думаю, это облегчит наш путь, не брыкайтесь, — ответил он, сохраняя спокойствие.

После этих слов Джакарта могла бы в полном объеме показать свой характер и оказать сопротивление, но вместо этого решила просто обхватить своими руками его мускулистые плечи, хоть это и получалось у нее не совсем уверенно. Она решила не задавать лишних вопросов, поскольку поняла, что спокойствие, которое сохранял этот молодой человек, ей не ничем не нарушить. Да и был ли в этом смысл? Не успела Джакарта опомниться от своих раздумий, как они были уже у ступеней, ведущих в храм. В руках Джафари она была легкой как пушинка, так что он без особых усилий донес ее до дверей церкви.

Перед тем как опустить девушку на землю, он справился о ее состоянии, хоть их путь занял совсем мало времени.

— Как вы? — все еще держа ее на руках и потихоньку ослабляя хватку, спросил мужчина.

— Уже лучше, спасибо, — неловко ему улыбнувшись, немного отстраненно и смущенно ответила девушка, будто бы еще не отойдя от впечатлений после такого близкого контакта с мужчиной.

Румянец, проступивший на щеках, выдал ее. Прежде у девушки не было похожих ситуаций, и эта явно выбила ее из колеи. Как только ее ноги коснулись ровного асфальта, Джакарта решила не смотреть в глаза Джафари, дабы избежать очередного наплыва дикой неловкости. Она была скромной девушкой, с самого детства родители прививали ей хорошие манеры и часто говорили о том, как важно вести себя сдержанно в компании мужчин. Они предупреждали о том, что излишняя раскрепощенность может привести к нежелательным последствиям, таким как неожиданная беременность и неудачный брак. И девушка внимала их советам, искренне веря в то, что ей удастся не повестись на злые шутки судьбы. Однако все обернулось против нее.

«Как бы я хотела еще раз услышать ваши наставления, особенно твои, мама...»

С того самого вечера, как ее родители не вернулись домой, прошло более двух лет. По словам Сицилии, матери Джакарты, они с отцом собирались посетить праздник своих друзей мусульман — Ураза-байрам^{11 11}. Семейство Бакир устроило пир в честь мусульманского праздника, отмечаемого в честь окончания поста, совершаемого в месяце Рамадан. Такое празднество имело место быть в Восточном Тиморе. Тимор-Лешти^{12 12}, несмотря на его историческую привязанность к христианству, стал домом для множества мусульман, которые внесли богатство и разнообразие в культурный ландшафт региона. Пир в честь Ид аль-Фитр^{13 13} не

^{11 11} Ураза-байрам (Ид аль-Адха) — исламский праздник разговения, который отмечают в честь окончания поста в месяце Рамадан.

^{12 12} Тимор-Лешти (вариант названия — Восточный Тимор) — государство в Юго-Восточной Азии.

^{13 13} Ид аль-Фитр — исламский праздник, завершающий месяц Рамадан и отмечающий окончание поста; отличается от Ураза-байрама (Ид аль-Адха), который празднуется в честь жертвоприношения.

только символизирует радость окончания поста, но и отражает крепкие связи мусульманской общины, основанные на взаимопонимании и уважении к традициям. Приглашение на этот праздник соседей, друзей и даже людей, исповедующих другую веру, создает атмосферу единства и согласия. Празднование включает в себя не только щедрое угощение, но и обмен подарками, а также совместные молитвы, что подчеркивает важность солидарности и поддержки в обществе. В условиях современного Восточного Тимора, где важна каждая нить, связывающая людей, этот праздник становится символом надежды на мирное сосуществование различных культур и вероисповеданий.

Итак, среди приглашенных на Ураза-байрам гостей была вся семья Джакарты, но Сицилия и Бернард решили оставить дочь дома, поскольку девочка не любила ходить в гости к незнакомым людям. Ей повезло, что родители с пониманием отнеслись к ее желаниям, проявляя заботу о ее внутреннем мире и не принуждая к участию в мероприятиях, которые могли бы принести ей лишь дискомфорт. Девочка была уверена, что ей было бы некомфортно быть на празднике в окружении малознакомых людей. Родители уехали рано утром, не решаясь разбудить дочь, которая была погружена в глубокий сон. Но она проснулась от звука закрывающейся двери и выбежала на крыльцо, обняв родителей на прощание и помахав им рукой. В ту пронзительно светлую минуту она не могла даже представить, что попрощается с ними надолго, если не навсегда. Солнечные лучи играли на ее лице, а ветер что-то шептал ей на ухо, словно предостерегая о неизведанном. Девочка осталась одна, окруженная тишиной, где каждый шелчок часов напоминал о том мгновении, когда все изменилось.

Пребывая в печали от воспоминаний об этом горьком отголоске прошлого, Джакарта нашла в себе силы взглянуть на мужчину, который, оказывается, позвал ее по имени несколько раз, пока она была погружена в грустные воспоминания. Скупые слезы вот-вот готовы были вытечь из глаз девушки, но тут внезапно раздался звон колоколов. Это было незабываемое звучание, настолько эта мелодия отличалась от звуков, традиционных для этой части города. Звон словно перенес девушку в другой мир, окутывая атмосферой таинственности и надежды. Каждый удар колокола резонировал с ее сердцем, разгоняя мрак печали. Колокольный звон звучал не просто как призыв, а как напоминание о том, что даже в самые мрачные моменты жизни есть место для перемен.

«И вправду она чудесная...» — воодушевленная необычайным звучанием, доносившимся с колокольни церкви, подумала девушка.

Джакарта взглянула в небеса, где темноватые облака, словно размытые чернила, медленно расцветали мягким светом.

— Я найду вас, — произнесла она тихо, едва слышно.

Джафари все это время следил за ней взглядом, но не мог нарушить ее покой, понимая, что девушка поглощена какими-то важными для нее воспоминаниями в этом моменте собственного уединения. Но наконец по ее виду он понял, что она вернулась из воспоминаний в реальность, и рискнул заговорить.

— О чем задумались?

Эти его слова, произнесенные с осторожностью, повисли в воздухе. Он надеялся, что эта простая фраза явится ключом к замку молчания собеседницы, но в то же время опасался, что она может лишь усугубить замешательство девушки.

— О моей семье, — прошептала Джакарта с легкой печалью в голосе.

— Расскажите? — спросил он, протянув руку, чтобы сопроводить девушку в церковь, словно приглашая разделить с ним не только пространство, но и сокровенные мысли.

Девушка, недолго раздумывая, ответила на его жест, вложив свою ладонь в его и почувствовав ее тепло и надежность. Ее мысли затеплились, как огонь, стремящийся передать свою жаркую жизнь окружающему миру.

— Это долгая история... — начала было она, то ли собираясь с мыслями, то ли, наоборот, отнекиваясь от подробного рассказа, но вдруг ощутила, как мужчина сжал ее ладонь, требуя остановиться, перестать терзаться переживаниями.

По его взгляду было понятно, что она была для него загадкой, которую он хотел разгадывать постепенно, начиная с самых глубин ее хрупкой и закрытой для мира души.

— Дорогая Джакарта, позвольте мне провести для вас увлекательную экскурсию по этому старинному храму. А вы расскажете мне свою историю, — с мягкой интонацией произнес мужчина, не выпуская из своих рук ее ладонь.

— Вы уже предлагали, — произнесла она, ловко подхватывая его слова и с хитринкой на губах, оттененных нежным розовым светом.

— Я был не настойчив, судя по всему, — с легкой усмешкой поддразнил ее мужчина.

— В таком случае я вынуждена согласиться, — отозвалась она, на мгновение освободившись от ледяной корки, что сковывала ее душу при воспоминаниях о печальной истории своей семьи, и в голосе зазвучали теплые ноты, словно при пробуждении от долгого зимнего сна.

Церковь была выполнена в простом, но элегантном стиле с элементами колониальной архитектуры. Стены были окрашены снаружи белым, что придавало зданию свежий и светлый вид, символизируя чистоту и духовность. Углы и арки были контрастно подчеркнуты темной каменной кладкой. Над куполом основного здания и на вершине колокольни возвышались кресты, служа своего рода ориентиром для всех, кто проходил мимо. Джакарта и вправду никогда прежде не замечала это здание. В привычной для девушки суете даже что-то светлое и надежное сливалось воедино с обыденностью.

Байк, припаркованный недалеко от церкви, принадлежал, вероятно, одному из местных жителей — возможно, прихожанину, приехавшему на утреннюю службу. Его скромный вид не нарушал общей гармонии места, а скорее дополнял картину повседневной жизни, протекающей вокруг храма.

Подойдя к входу в храм, Джакарта и Джафари, как и прочие посетители этого священного места, должны были осенить себя крестным знамением. Их руки на время должны были разъединиться, чтобы совершить этот благословенный ритуал, прежде чем переступить порог. Мужчина с нежностью выпустил маленькую ладонь девушки из своей, стремясь избежать любого проявления дерзости или невоспитанности.

Джафари сделал несколько шагов к входу католического храма и начал ритуал. Он всегда крестился справа налево, делая акцент на каждом жесте — так, как это принято в православной традиции. Джакарта, наблюдавшая за ним, невольно повторила его движения, но что-то в этой ситуации показалось ей странным.

— Почему вы креститесь по-православному, но идете в католический храм? — не удержалась она от вопроса, когда они поравнялись у входа.

— Дело в том, — ответил Джафари с легкой улыбкой, — что в Дили нет православных храмов. А вера — она ведь не в стенах, а в сердце. Здесь, в Восточном Тиморе, большинство людей — католики, и я нахожу утешение в совместных молитвах с ними.

Джакарта замерла, пытаясь осмыслить его слова. Она сама была католичкой и никогда не задумывалась о том, каково это — не иметь возможности посещать храм своей конфессии. Для нее вера всегда была связана с определенными обрядами, традициями, привычным укладом церковной жизни. А здесь перед ней стоял человек, который находил путь к Богу, несмотря на все преграды.

— Но разве это правильно? — тихо спросила она. — Ведь обряды разные...

— Главное — это искренность молитвы, — ответил Джафари, глядя на храм. — И стремление к Богу, которое объединяет всех верующих, независимо от конфессии.

Джакарта замерла, размышляя над его словами. Возможно, в них была своя правда — правда, которую она раньше не замечала за привычными догмами и правилами.

— Но как вы совмещаете это? — спросила она, едва сдерживая любопытство. — Разве это не вызывает противоречий?

Джафари улыбнулся, а затем, чуть наклонив голову, ответил:

— Вера, как и жизнь, многослойна. Я учусь находить общий язык между традициями. Каждый ритуал, которому я следую, наполняет мою душу смыслом и вдохновением.

Девушка кивнула, принимая его слова. Ее собственная религиозная практика показалась ей довольно ограниченной по сравнению с тем, о чем звучало из его уст. В воздухе витало что-то особенное — некое единство, соединяющее верующих, независимо от того, какую церковь они посещают.

Джакарта грациозно накинула на голову платок, до этого покрывавший ее плечи поверх платья. Этот комплект, уникальный подарок от родителей на ее шестнадцатилетие, она хранила как зеницу ока до своего восемнадцатилетия. Нежное кружево и белоснежный цвет платья с легким переливом в бежевые оттенки олицетворяли расцвет ее юности, а платок, являясь частью этого одеяния, будучи наброшенным на плечи, при желании девушки мог в любой миг преобразиться в изысканный головной убор. Двери храма отворились, словно стремясь пригласить как можно больше желающих туда, где каждый найдет для себя свое успокоение.

Когда они вошли внутрь, свет проникал сквозь высокие стрельчатые окна, бросая бледные полосы света на каменный пол. Сделав несколько шагов, Джакарта замерла от умиротворяющей простоты и скромной тишины этого места. Первым ей бросились в глаза длинные ряды простых деревянных скамей. Девушка погрузилась в воспоминания о своем прошлом визите в один из святых храмов столицы, и в памяти возникла картина, объясняющая суть их присутствия здесь.

«Они предназначены для прихожан, чтобы сидеть во время долгих служб, как это принято в католических церквях, — произнес пастер, отвечая на вопрос одного из туристов. — У нас не принято стоять часами».

Джакарта вспомнила его голос, утешающий и глубокий; словно сам храм, пронизанный историей и молитвами верующих, рассеивал сомнения, наполняя пространство теплом понимания.

Слова священника эхом отозвались в сердце Джакарты, напоминая о сострадании и человеческой заботе. Они говорили о том, что в любом храме, будь он величественным или же скромным, есть место для понимания и поддержки, навсегда соединяющее души, ищущие утешение.

Упиваясь этими теплыми мыслями, она задержала взгляд на одной из скамеек. В этот момент она заметила, как рука Джафари скользит по шершавой поверхности дерева, и он внешне посмотрел на нее. Она чувствовала его взгляд, но не решалась ответить тем же.

Не желая нарушать покой девушки, он тем не менее тихо спросил:

— Готовы?

Тембр его голоса был в этот момент очень мягким, будто он боялся разорвать невидимую нить, соединяющую их с окружающим миром. Джакарта, погруженная в свои мысли, лишь слегка кивнула головой, внимательно рассматривая интерьер храма. Это было место, наполненное историей, где каждый уголок хранил тайны и воспоминания.

Джафари, наблюдая за ней, принял ее молчание спокойно. Он не торопил события и не настаивал на немедленном ответе, понимая, что состояние Джакарты сейчас таково, что требует сосредоточенности и погруженности в себя.

— Пожалуй, начнем, — наконец с твердостью произнес Джафари, останавливая взгляд на величественной статуе неподалеку. — Эта церковь посвящена Антонию Падуанскому. Знаете такого? — уточнил он у Джакарты, желая оценить осведомленность этой юной леди.

Девушку этот вопрос несколько не смутил. С искренним энтузиазмом она ответила:

— По-моему, это один из христианских проповедников.

Джакарта, обладательница острого ума, была достаточно начитанной, чтобы с легкостью поддержать любую историческую тему. В ее словах чувствовалась уверенность, а в глазах сверкали искорки любопытства.

Джафари уверенно кивнул, подтверждая ее слова:

— Верно. Он являлся католическим святым, проповедником, а также одним из самых знаменитых францисканцев.

Затем он начал коротко описывать биографию Антония Падуанского:

— Будущий великий святой родился в 1195 году в семье знатного лиссабонского рыцаря Мартина де Буйона. При крещении мальчик получил имя Фернандо.

Его сияющие глаза и воодушевленные интонации в голосе говорили о его искренней заинтересованности. Возможно, он впервые рассказывал об этом кому-то. Почему-то ему захотелось провести эту экскурсию для девушки, которая случайно встретила его на пути.

— А откуда же тогда имя Антоний? — спросила она, и глаза ее искрились от интереса. Его манера повествования захватывала, и Джакарта была очень заинтересованной слушательницей.

Джафари продолжил:

— В юном возрасте Фернандо решил стать монахом и поступил в лиссабонский монастырь святого Викентия, принадлежавший ордену [регулярных каноников](#). В 1220 году он покинул этот орден и стал францисканцем, приняв монашеское имя Антоний.

Джафари медленно приблизился к алтарю, освещенному лучами, проникающими сквозь витражи. Он взглянул на девушку, призывая ее последовать за ним. Склоняясь перед алтарем, он погрузился в размышления, наполненные глубокими личными переживаниями. Поддавшись столь трепетному настроению, она в благоговении повторила его жест, словно впитывая духовную силу этого места. Затем он продолжил свой рассказ, и голос его напоминал пение ветра, проникающего в самое сердце:

— В том же 1220 году Антоний отправился в Марокко, чтобы проповедовать христианство мусульманам. Однако тяжелая болезнь, настигшая Антония уже в Африке, заставила его отказаться от прежних планов и вернуться в Европу. Во время возвращения корабль, на котором он находился, попал в шторм и был вынесен к берегам Сицилии. Антоний увидел в этом Божью волю и решил остаться в Италии. Последние годы жизни он провел в Падуе. Умер 13 июня 1231 года.

«Совсем молодой был...» — размышляла Джакарта, не решаясь озвучить эту мысль.

Вернувшись к входу в храм, ее спутник подытожил:

— Антоний был канонизирован почти сразу после смерти — в 1232 году. В 1263 году его святые останки были торжественно перенесены в базилику Святого Антония, которую жители Падуи построили в честь святого, — продолжал рассказывать мужчина, подойдя к «Крестному пути» — изображению, которое можно увидеть во многих церквях этой солнечной столицы. Пройдя в следующую часть храма, где в тусклом свете сияла золотистая статуя распятого Христа, Джафари остановил на ней взгляд, завершая свою историю:

— В католицизме святой Антоний Падуанский почитается как чудотворец и покровитель бедных и путешествующих, а его облик стал символом надежды и сострадания. Его могила в величественной базилике Святого Антония в Падуе притягивает паломников со всех концов света. В 1946 году папа Пий XII провозгласил его Учителем Церкви, подчеркивая значимость его духовного наследия. Каждый год в день памяти святого, 13 июня, сердца верующих наполняются благодарностью ему. В этот день соборы оживают от молитвенных песнопений, а площадь перед базиликой наполняется паломниками. Эта святая атмосфера напоминает о силе веры и любви, способной изменить жизнь.

Джакарта все это время внимательно слушала рассказ Джафари, стараясь не упустить ни единой детали. Она всегда любила, когда ей рассказывают о чем-либо, особенно если дело касалось исторических тем.

— Слушатель из вас что надо, Джакарта, — слегка кашлянув, усмехнулся мужчина.

— Обращайтесь, — в таком же шутливом тоне ответила девушка.

Джафари хотел было продолжить экскурсию, но мелодичный звон колокола нарушил его планы. Этот звук не оставлял сомнений: начинается церковная служба. Их взгляды встретились, и он, слегка наклонившись к девушке, негромко произнес:

— Начинается месса. Давайте не будем мешать людям и выйдем во двор.

Джакарта без колебаний последовала за ним. Она никогда прежде не присутствовала на подобных службах и чувствовала себя неловко в такой ситуации. К тому же оставлять Джафари одного казалось ей неприличным.

Джафари повернулся к девушке и спросил:

— Напомните, напротив какой статуи вы хотели помолиться?

Джакарта поняла, что он имел в виду. Перед входом в церковь ее взгляд задержался на статуе, которая так и манила подойти к ней. Но в тот момент девушка сдержала свой порыв.

А сейчас, когда Джафари уверенно повел ее за собой, их путь пролегал как раз мимо того самого монумента, который с самого начала приковал внимание Джакарты. Это была белоснежная статуя, возвышающаяся на массивном постаменте под открытым небом, резко контрастирующая с глубокой синевой тропического небосвода.

Когда они поравнялись с ней, Джакарта почувствовала, как ее шаги замедлились, а сердце на мгновение сжалось от благоговения и ощущения дежавю. Она задержала взгляд на статуе, невольно впитывая взглядом каждую деталь. Величественная мужская фигура в монашеском облачении стояла твердо и непоколебимо, прижимая к груди не скромный свиток, а большой и явно тяжелый развернутый лист пергамента, словно древний неподъемный документ. В складках его одеяния, укрываясь от солнечного света, покоился маленький светлый лик — голова ребенка, обнимающего проповедника.

В тихом сиянии дня Джакарта смогла прочесть запечатленные на камне слова, проступавшие темными буквами на белизне свитка, словно вечное эхо: «CELEBRAÇÃO CINQUENTENÁRIO DA DIOCESE DE DILI NIAN... 1940–1990... INA MOTAEL... 4-9-1990». Пятьдесят лет веры, запечатленные в камне, юбилей, торжественно отмеченный в этом священном месте Мотаэль.

Джафари, ощутив внутренний порыв девушки, отпустил ее руку и остановился, позволяя ей напитаться духом этого места. Он взглянул на статую, и на его лице отразилась тень воспоминаний.

— Эту статую установили в честь пятидесятилетия нашей епархии, — тихо произнес он, и его голос в этот момент звучал глубоко, как колокол. — Это символ стойкости нашей веры здесь, в Дили. И да, вы не ошиблись, — добавил он, заметив ее вопросительный взгляд, направленный на фигуры. — Это, несомненно, святой Антоний Падуанский с Младенцем Иисусом. Чудотворец, в которого верили и молились те, кто прятался в этой церкви в самые черные времена. Он, как и этот памятник, стал для многих символом надежды, последним оплотом перед лицом отчаяния.

Глядя на белое одеяние Антония, его строгий, но милостивый лик, и на Младенца, изображенного рядом, Джакарта ощутила не просто исторический контекст, но и свою глубоко личную связь с этим местом. Она осознала, что статуя, запечатлевшая пятидесятилетний путь веры, теперь стояла на пути ее собственного, нового и, возможно, самого тяжелого странствия. Она была якорем, символом того, что даже после полувека борьбы и скорби жизнь и надежда возрождаются.

Она кивнула. Молитва подождет. Сейчас наступило время действия, и эта статуя, казалось, молчаливо благословила их следующий шаг.

На протяжении всей их прогулки только сейчас Джакарта смогла подробнее рассмотреть своего спутника целиком. На нем был изысканный черный костюм, в сочетании с белой рубашкой олицетворявший стиль и элегантность. Свободные брюки, уверенно облекая его фигуру, поддерживались ремнем, гармонично подчеркивающим общее впечатление. В этом контрасте заключалась неведомая сила: этот человек внешне будто стремился слиться с послеобеденной тишиной, но в то же время его поистине королевская уверенность создавала незабываемое ощущение от его присутствия. Каждый элемент его наряда словно выражал часть его внутреннего мира, где мрак и свет перекликались в совершенной симфонии. И Джакарта была одной из дополнявших эту симфонию мелодий в этот день. Белоснежное платье Джакарты и темный костюм Джафари создавали дуэт света и тьмы. Правда, в самих этих молодых людях царил только свет.

Солнечные лучи, играя на бархатной поверхности, придавали наряду Джафари загадочную ауру, а каждый его шаг казался элементом танца, который захватывал дух. Девушка ощутила, как время словно замирает, позволяя ей погрузиться в этот миг, когда эстетика в ее самом ярком проявлении сочеталась с внутренним миром этого мужчины. Она поняла, что этот образ будет храниться в ее памяти как символ этой волшебной прогулки, когда она впервые увидела всю глубину и красоту человека, стоящего рядом.

Они присели на скамью неподалеку от церкви, и Джафари начал непростой, как ему казалось, разговор.

— Хотел задать этот вопрос, когда мы еще только увиделись. Как вы оказались здесь одна? И что произошло с вашей семьей? — произнес он, стремясь проникнуться ее печалью и разгадать молчаливую тайну, которая окутывала их разговор.

Джакарта почувствовала, что эта тема разбередит ее душевную рану, но в то же время понимала, что Джафари спрашивает это с чистыми намерениями.

— Я путешествую. Я жила с родителями в Дили, пока... пока они не пропали. Мне пришлось странствовать. И вот в отчаянном желании найти их я посещаю каждый уголок Восточного Тимора, теща себя надеждами — возможно, напрасными.

— Я понимаю, как вам тяжело, но все же... — попытался выразить свои соболезнования мужчина.

— Не понимаете, — резко прервала она его, тут же стократно пожалев об этом.

Бросив укоризненный взгляд на девушку, он ответил, не отрывая от нее взгляда:

— Я видел сцены намного хуже обычной пропажи людей, и скажу вам больше: скорбеть по ним никто не мог. А если выразаться точнее, это было неприемлемо.

Поняв, что слегка погорячился, он уже более сдержанным тоном произнес:

— Не стоит следовать исключительно традициям прошлого. Можно жить с надеждой на лучшее. Эти мысли способны успокоить, поверьте. Люди, которые прятались здесь, в этой церкви, зная, что погибнут, думали иначе, веря в чудо. Им оставалось только молиться. Иисус слышал эти молитвы, каждую из них. Но многие из них вспомнили о Боге только тогда, в беде, а до этого всю жизнь отрицали Его существование. Я советую вам тоже найти успокоение и доверять Божьей силе. Она станет поддержкой в трудные времена и поможет справиться с горем от утраты.

«А может, семья Бакир причастна к исчезновению или даже к гибели моих родителей...» — неприятная догадка кольнула сердце Джакарты.

От этой мысли в ее душе начали бушевать волнения — не только от собственных вопросов, но и от тех мгновений, когда отчаяние вступает в диалог с надеждой. Она словно искала в стенах церкви отголоски ответов, теряясь в их тишине. Все таинства и догматы казались ей не просто словами, но ключами к разгадке ее внутренней борьбы. Ведь наряду с надеждой и

душевым покоем церковь дарует ответы на бесчисленные вопросы, даже на те, что глубоко зарыты в подсознании. Она охватывает и те, что заставляют кровь стынуть в жилах, наполняя глаза яростью, а кулаки – желанием стать оружием. Это те чувства, что испытывает каждый, кто мечтает взглянуть страху в лицо. И Джакарта была одной из них.

Глава 2. Горечь былого

Не только ребенок, лишенный чего-то желанного,

способен разбушеваться,

но и природа, жаждущая покоя и умиротворения,

может восстать в яростном порыве.

Стихия неумолима, как и жажда, не так ли?

Оглядывая статую, Джакарта не могла не заметить, как искусно скульптор передал каждую деталь. Ее взгляд невольно скользнул по надписи, и она указала на нее:

— Это ведь португальский язык?

Джафари кивнул и поинтересовался:

— Знаете его?

Джакарта явно удивилась его словам:

— Конечно знаю! Тут много кто на нем разговаривает. И я думаю, что... скоро его сделают официальным в нашей стране.

Тут Джакарту окутало сомнение, и она, не медля, спросила уверенным тоном:

— Выходит, вы не коренной житель этой солнечной столицы?

Джафари медленно кивнул. Но в ту же секунду рассмеялся и затем ответил с серьезным выражением лица:

— Надпись переводится как «Празднование пятидесятилетия епархии Дили в Мотаэле». Статуя была установлена в Мотаэле в 1990 году в честь пятидесятилетия епархии Дили. Это стало важным событием для католической общины в регионе.

«Решил уйти от моего вопроса?» — невольно задумалась девушка.

Джакарта прищурилась, изучая выражение лица Джафари. Что-то в его поведении казалось ей нарочитым, словно он играл роль. Она не могла понять, зачем ему это нужно, но интуиция подсказывала: он что-то скрывает.

Джафари, заметив, как тень тревоги скользнула по лицу Джакарты, осторожно предложил:

— Может, вернемся в храм? — его голос звучал мягко, почти нежно. — Я хотел бы вместе с вами поставить свечу в надежде на то, что ваши родители найдутся. Иногда свет свечи помогает сохранить веру в лучшее.

Джакарта замерла, ее взгляд стал более открытым, словно эта простая мысль о надежде согрела ее сердце. Она подняла глаза на мужчину, и в их глубине промелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Вы думаете... они могут быть живы? — тихо спросила она, впервые позволяя себе поверить в эту возможность.

Джафари кивнул, его лицо выражало искреннее участие:

— Конечно, Джакарта. Пока есть надежда — есть жизнь. Пусть эта свеча станет символом нашей общей веры в то, что они вернуться.

Он протянул ей руку, и хотя девушка все еще колебалась, что-то в его взгляде было настолько искренним и полным надежды, что она взяла его за руку. Их пальцы переплелись, и в этом простом жесте было больше силы, чем в самых красивых словах.

— Пойдемте, — тихо произнес он. — В тишине храма наша надежда станет сильнее, а вера — тверже.

Они направились обратно к храму, где мерцающие свечи словно поддерживали их немую молитву о возвращении близких, даря надежду даже в самые темные времена.

Снова войдя в храм, где мягкий свет свечей создавал уютную атмосферу умиротворения, и проходя мимо рядов подсвечников, Джафари уверенно направился к алтарю, где мерцали сотни огоньков — молчаливые свидетели чужих молитв и надежд.

Возле небольшого столика с зажженными свечами он остановился, жестом приглашая Джакарту подойти ближе. В воздухе витал характерный аромат расплавленного воска и ладана, создавая особую атмосферу таинства.

Джафари достал из кармана несколько монет и положил их в специальную чашу для пожертвований. Затем взял две тонкие восковые свечи из стоящего рядом ящика. Одна свеча оказалась в его руке, другая — в руке Джакарты.

Он аккуратно поднес свою свечу к ближайшему огоньку, и язычок пламени, словно живой, перепрыгнул на новый фитиль. Мужчина протянул руку к свече девушки, помогая ей зажечь свой огонек. В этот момент их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Джафари почувствовал, как по его телу пробежала легкая дрожь.

— Пусть эти свечи станут символом нашей общей молитвы, — тихо произнес он, глядя в глаза Джакарте. — Молитвы о том, чтобы ваши родители нашлись, а их путь был освещен светом надежды.

Они установили свечи в свободные гнезда подсвечника, и маленькие огоньки, подрагивая от легкого сквозняка, начали отбрасывать причудливые тени на стены храма.

Тишина окутала их, словно мягкое одеяло, позволяя наполнить сердца спокойствием и размышлениями. Вокруг витал аромат церковного ладана, а теплый свет свечей создавал атмосферу уединения и благодати. Именно тогда у Джакарты возникло истинное желание преклонить колени в этом месте паломничества и веры, где христианство и народные традиции Восточного Тимора переплетаются с современным искусством и старинными духовными практиками. Джафари, сложив руки в молитвенном жесте, закрыл глаза и погрузился в молчаливую беседу с высшими силами.

Джакарта также прониклась этой атмосферой святости, любовно рассматривая статую, олицетворяющую бесконечное взаимодействие духа и материи. Спустя пару минут, словно под влиянием невидимого призыва, она повторила за мужчиной слова молитвы.

В этом сакральном пространстве они были не просто прохожими, но участниками вечного диалога души с высшими силами, соединяясь в одно целое, где традиции переплетаются с современностью.

Джафари действительно понимал, каково это — жить в условиях трудностей, ведь сам прошел через подобные испытания. Его воспитывала бабушка, когда родители были поглощены своими заботами и недомолвками. Часто он чувствовал ту же боль, что испытывала Джакарта, ее переживания были знакомы и близки ему, и он был бы рад протянуть ей руку помощи. Его душа искренне жаждала облегчить бремя, которое лежало на ее плечах, ведь, несмотря на разницу в судьбах, они оба искали свет в темноте, надежду среди отчаяния.

Джакарта смотрела на него, и в ее душе, на удивление, вспыхнуло долгожданное пламя — пламя надежды, которое долгое время пыталось появиться, чтобы разгореться в полную силу, чтобы кто-то разделил с ней эту трагическую и одновременно печальную историю семьи да Коста. Мужчина приблизился к девушке, его глаза вопрошали, и в девичьих очах, чуть мерцающих от вот-вот готовых сорваться слезинок, он нашел искомый ответ и безмолвно обнял

ее, не требуя слов. Все правила приличия казались совершенно неуместными в такой трогательный момент. Джакарта ощутила тепло, которое согрело ее душу, как будто она наконец-то обрела не просто утешение, но и возможность быть услышанной. В свете зажженной свечи их души переплетались искренней надеждой, что в темные времена свет всегда указывает путь к утешению. Девушка смотрела на свет свечи и где-то в глубине души была благодарна встрече с этим загадочным незнакомцем, переживающим теперь ее боль вместе с ней.

Остров Жаку

Воспоминания о знакомстве и общении с Джафари не давали ей покоя. Она постоянно думала о нем, представляя, где он сейчас, что с ним происходит и как у него обстоят дела. Эти непрерывные мысли о Джафари становились источником ее внутреннего беспокойства.

Джафари поддержал ее и внимательно выслушал именно тогда, в храме, оказав ей неоценимую помощь в тот трудный момент. Его присутствие и участие стали для нее настоящим спасением в непростой ситуации. Поэтому он был единственным, о ком думала Джакарта в эти минуты, желая снова обрести утешение в его присутствии и поддержке. Ветер шептал Джакарте о прошлом, унося с собой ее тревоги, но одновременно усиливал воспоминания, заставляя ее сердце слегка сжиматься.

«Интересно, как он там?..» — с легким сомнением и тихой грустью подумала девушка, отряхивая себя от пылинок, находившихся на поверхности камня, на котором она скоротала последние часы во время своего сна.

В тот вечер они расстались в порту Дили, когда Джакарта сообщила Джафари о своем каждодневном визите на этот чудный, полный загадок остров Жаку. Образ этого места, утопающего в зелени и окруженного лазурным морем, напоминал ей о безбрежной нежности, которая мгновенно охватывала сердце.

Наконец отряхнувшись, она встала, поправляя свою легкую накидку. Медленно потянулась, оценивая погоду. Ветер усилился, отчего ее накидка трепетала в его порывах. Стоило ей поднять голову, чтоб взглянуть на небо, как волна холодного воздуха обрушилась на нее, вызвав короткий вскрик удивления. Мурашки миготали по коже Джакарты, словно природа послала ей незримое предупреждение. Окружающая среда была полна своих капризов, особенно если кто-то занимал в ней не свое место.

Жить здесь было нельзя: по легенде, группа коренных жителей в прошлом считала эту землю священной и запрещала посещение острова. Вторая легенда, окутанная тайной, рассказывала о таинственных исчезновениях, постигших тех, кто осмеливался здесь остаться. Каждый шепот ветра словно доносил предостережение: остров нуждается в покое, его духи не терпят нарушителей запрета. Жаку с его тайнами и священными истинами оставался неприступным. В его глубине скрывались не только загадочные призрачные тени, но и реальные люди — пришельцы-путешественники, жадные до приключений. И расплачивались за это они своими жизнями, исчезая в туманной дымке острова.

Джакарта поселилась здесь не так давно, и эта обитель стала для нее новым домом. Девушка знала, что это священное место принадлежит не ей, однако воспринимала это иначе. Очаг и некоторый уют, которые она создала, пребывая в одиночестве на этом острове, было довольно легко поддерживать. И все же Джакарта испытывала чувство горечи и душевной утраты из-за своих скитаний, словно слепой котенок, безуспешно пытающийся найти путь в безграничной тьме, куда свет никогда не пробьется. Однако надежда, которую ей подарил Джафари, придавала девушке неиссякаемую силу, не собирающуюся угаснуть, пока ее сердце продолжает биться. Джакарта мечтала о том, что однажды сможет навсегда связать свою судьбу с этим местом, которое, хоть и не принадлежало ей, обещало стать частью ее души.

Поборов свои смятения, девушка вновь обрела радость во множестве оттенков этого чувства. Она просияла сквозь слезы, прошептав:

— Тут так хорошо... Пусть этот остров оставит меня здесь навсегда!

Но Джакарта не учла одного: остров все слышит. Не зря его называют священным. Она хотела было закружиться в танце счастья, но ее первым и последним движением в ту секунду стал взмах ресниц, обрамляющих ее зеленые глаза, которые сверкнули было от радости, но сейчас словно застыли навсегда. Ее танцу суждено было окончиться, так и не успев начаться. Макабр¹⁴ окутал ее своим зловещим дыханием. Молния, которая искала свою жертву среди лиственных деревьев, набросилась, как дикий зверь, на преследуемую цель. И тревожный сон, и головные боли, и пропавшие родители, и знакомство с Джафари — все это стерлось в миг из памяти Джакарты, как будто и не существовало. Ноги девушки стали ватными, сознание затуманилось, и она стала терять сознание. Не успев прислониться к какой-либо опоре, девушка повалилась наземь с печальным вздохом. Небо сгустило краски до такой степени, что остров становился все более непохожим на себя.

В то же время, пляж Кристо-Рей

— Мы прямо сейчас отправимся в порт и разберемся с этой проблемой! — заявил Атон, желая избавиться от загадок прошлого.

Толпа взревела, воздевая руки к небесам.

— Да! — единодушно откликнулся многоголосый хор, поддерживая большинство из представителей второй стороны спора.

— Все и так понятно! — прорвался одиночный крик из толпы, выражающий явное несогласие с решением народа. Глаза молодого светловолосого мужчины, выкрикнувшего это, загорелись нехорошим огоньком.

Атон встал в центр пляжа, яростным взглядом оценивая силу этого смелого мужчины. Подойдя на достаточно близкое и в то же время безопасное расстояние, он наклонился к его лицу и ухмыльнулся.

— Тебе ли знать? — произнес он с сарказмом, словно испытывая юного соперника.

Молодой парень по имени Элиаш отшатнулся, пытаясь не выдавать свою неуверенность, но и осознавая, что рядом с таким сильным соперником не место для криков из толпы. Атон же, обладая внушительной харизмой и непоколебимой решимостью, намеревался серьезно поговорить с ним. Он не терпел выскочек, выбивающихся из строя, и его слова, как острые иглы, проникали в самую суть. В воздухе витала напряженность, обещая нечто большее, чем простая беседа, и их столкновение казалось неизбежным.

— Довольно! — подобно ясному грому раздалось со стороны, отзываясь эхом в сознании каждого, кто находился на пляже.

Вдали вырисовывалась темная фигура в строгом костюме, неумолимо приближающаяся. Мужчина двигался с грацией и уверенностью, каждый его шаг отражал целеустремленность. Ни единой тени сомнения в его намерениях — он направлялся сюда не случайно, и его появление не предвещало ничего хорошего. Взгляд его притягивал, словно магнит, заставляя окружающих замереть и затаить дыхание.

— Это кто же там столь смелый? — спросил Атон, отвлечшись от Элиаша с желанием переместить свой агрессивный фокус внимания на отдаленную помеху. Выискивая среди тропической гавани угрозу, он сжал кулаки. На секунду Атону показалось, будто он уже слышал этот голос прежде, но низкие, резонирующие нотки внушили ему сомнения относительно его предположений.

Каждое движение тела приближавшегося мужчины словно предвещало бурю, неведомую и притягательную, как и сам таинственный остров, затерянный в бескрайних водах. Сделав шаг навстречу этому надвигающемуся вихрю страстей, именуемому Джафари Эль-Шами, Атон даже не подозревал, кого увидит через секунду.

^{14 14} Макабр — танец смерти.

Когда мужчина приблизился на достаточное расстояние, оказавшись на песчаном пляже, Атон разглядел знакомые черты, и его сердце забилося быстрее. Он отпрянул от Элиаша, чье испуганное выражение лица отразило его собственные переживания в данный момент. Безмолвная напряженность окутала его, как туман, но Атон знал, что смелость — это не отсутствие страха, а способность смотреть ему в лицо. Теперь, когда Атон увидел, что лицо Джафари, мгновение назад излучавшее строгость, стало более спокойным и приветливым, его посетило умиротворение, хоть и временное, и, не веря своим глазам, он восторженно воскликнул:

— Джафари, мой дорогой белун¹⁵15!

Атон, старый друг Джафари, был искренен в своих чувствах, и теперь его глаза сияли неземной радостью, отражая бесконечное счастье от долгожданной встречи. Преодолев еще пару метров, разделявшие их, они наконец-то заключили друг друга в крепкие объятия. Атон хлопал своего друга по спине и понимал, как того не хватало в последнее время в его жизни.

Джафари улыбался, также будучи в приятном удивлении от этой неожиданной встречи. Все происходившее вокруг для них теперь казалось менее важным; лишь мгновение, наполненное теплом и опьяняющей радостью, существовало в этот час.

От лица Атона

Я не видел Джафари уже лет пять. Наши пути разошлись с того момента, как он переехал в Восточный Тимор, а я остался в Индонезии. Я помню его смех, когда провожал его в порт Дили, сам желая бросить все и поехать вместе с ним, однако обстоятельства мне этого не позволили. Я писал ему письма в надежде, что он их прочитает и вспомнит обо мне. Но Джафари не ответил ни на одно из них. И я не зол на него. Я знаю, он сделал бы все, если бы это было в его силах. Ожидание встречи переполняло меня каждый день, я втайне мечтал внезапно встретить его. Каждое утро я выходил гулять, мечтая увидеть Джафари. Ждал, как в старые добрые времена, но в глубине души понимал, что этого не произойдет. Каждый шаг по уже вытоптанной дороге отражал мои чувства, смешанные с тоской, и напоминал о том, что времена переменчивы, как легкий ветер. И каждый новый день, казалось, только подтверждал, что надежда и его отсутствие — две стороны одной медали, имя которой — ностальгия.

Наконец надежда на встречу иссякла, и я просто доверился судьбе. А судьба тоже ждала подходящего момента для нашей встречи — надеюсь, не последней. Джафари был мне как брат. И с каждым годом понятие «как» все больше теряло свое значение, ведь мы совершали настоящие братские поступки, бесстрашно прикрывая друг друга в трудные моменты, поддерживая в самые сложные времена, и просто любили друг друга, как близкие люди, без остатка. Сейчас мы уже взрослые мужчины, а на момент разлуки нам обоим было по двадцать лет: юнцы, не знающие своей судьбы. Если бы знали, что все так произойдет, не отпустили бы друг друга в тот день. Джафари очень возмужал, стал привлекательнее и, смею сказать, серьезнее. Прежде он всегда был душой компании, но теперь в его облике ощущались отстраненность и некая недоступность. Неужели я его совсем забыл?

От лица Джафари

Я прогуливался по ночным улицам Дили. Лунный свет нежно обнимал старинные камни, мерцание фонарей рассыпало золотистые искры по влажной мостовой. В этом волшебном пространстве время казалось остановившимся, создавая атмосферу, где каждый шаг наполнялся шепотом воспоминаний и мечтаний. И одним из моих мечтаний была мысль о судьбе Джакарты — девушки, которую я встретил случайно, но чье присутствие уже успело оставить заметный след в моем сердце. Воспоминания о ее улыбке в свете храма не покидали меня. И вот, когда я бродил среди вечерних теней, мысли о Джакарте продолжали нежно крутиться в моем сознании, превращая каждую улицу в бесконечный путь к нашему, возможно, когда-нибудь общему,

^{15 15} Белун (тетум: belun) в переводе с языка тетум означает «дружище».

но пока неведомому будущему. Рассвет наступил незаметно. Я шел без какой-либо цели, как странник, передвигающийся в попытке почувствовать себя нужным этому миру. Двигался в сторону северо-востока, к заливу Дили, и находился совсем рядом с могущественной статуей Иисуса, распрямившего свои руки в желании заключить в объятия просторы земли.

Услышав знакомый голос, вначале я подумал, что мне показалось. И потом был так рад осознать, что нет, не показалось! Думая об Атоне, я представлял его таким же, каким он был в день нашего расставания. Но к тому, что теперь видел, я не был готов. Широкоплечий светло-волосый парень, каким я помнил Атона, выглядел теперь очень взрослым и властным воином, который даже в эти секунды видел во мне угрозу. Я всегда уважал его за это: он предвидел ситуации, в которых никогда нельзя давать слабину и надо всегда быть начеку. Оттенок недоверия, который сверкал в его глазах, сменился удивлением, и я снова был счастлив увидеть того самого Атона, который с немного грустными от осознания скорой разлуки глазами провожал меня тогда в порт солнечной столицы.

Настоящее время, пляж Кристо-Рей

Джафари, наконец коснувшись руками спины приятеля, улыбнулся сквозь объятия, словно в этом единении с давним другом заключалась вся его радость. Не разрывая их, он произнес мягким, проникающим в душу голосом:

— Здравствуй, брат мой, — и это было сказано с такой теплотой, что при каждом слове в душе Атона поднималась волна ностальгии.

В голосе Джафари звучало стремление успокоить внутреннего радостного ребенка, мечта которого с нетерпением ждала своего осуществления и каждый раз оказывалась на грани отчаяния. Каждая секунда разлуки ощутимо резонировала, напоминая о том, как судьба может сплести пути, а затем вновь разъединить их. Они стояли так минуты две, будто бы и не существовало никаких проблем, а участники собрания, которые наблюдали за ними, были выдуманными персонажами, призраками этого пляжа.

Джафари верил, что их встреча с Атоном, как бы ни менялись времена и обстоятельства, рано или поздно состоится. Подобно тому волнующему моменту в храме, когда Джакарта обрела веру в его слова о надежде, способной преодолеть любые трудности, он с не меньшим рвением ожидал долгожданного воссоединения с другом детства. Ожившие воспоминания, переполнявшие его сердце, напоминали о безмятежных днях, когда дружба расцвела, а мечты не знали границ.

В этот час размышлений, когда сердечные чувства друзей, словно струны, зазвучали в унисон, Джафари понимал: даже если мечты кажутся далекими, они никогда не ускользнут без следа. Он был уверен, что настанет тот миг, когда прошлое встретится с настоящим, соединяя их пути в один яркий и незабываемый момент.

Улыбнувшись Джафари, Атон, будто бы втайне от остальных, произнес очень ярко и искренне:

— Я скучал!

Тиморцу не нужно было никаких слов, по его взгляду можно было прочесть его эмоции: он очень рад этой встрече. Однако не для всех все было так же радостно и прекрасно.

Сзади послышался свист, сопровождающийся громкими хлопками. Атон оглянулся вполоборота и увидел десятки недоумевающих лиц. Юноша по имени Элиаш, затерявшись за спинами своих попутчиков, так и не решался поднять взгляд, боясь встретиться с глазами сильного и могущественного и по статусу, и даже по своему телосложению Атона. Джафари ловко взял ситуацию в свои руки, отстраняясь от приятеля и пройдя вглубь разреженной толпы, где в глазах у многих читалось неподдельное удивление. Устремив взгляд к берегу, где белоснежный песок, сверкающий на ярком солнце, простирался бескрайним ковром, и, возвышая голос над шумом, Джафари спросил, вновь оглядываясь и отмечая искреннее удивление в глазах окружающих:

— К чему сие столпотворение?

Дуновение теплого ветра солнечной столицы пронизывало каждую клеточку его тела. И в этой молчаливой схватке оставалось только ждать неизвестного. На заднем плане раздавались шепоты, загадочные и тревожные, но очень тихие, как шевеление листьев, колеблемых легким ветерком. Он чувствовал, что время растягивается, сливаясь с ожиданием грядущего, когда истина наконец даст о себе знать, как первая сверкающая звезда, вспыхнувшая в вечернем небе. Вместо того чтобы отступить от тревожного призыва, Джафари ощущал необходимость быть здесь, в этом мгновении, как художник перед полотном, которому не хватает лишь последнего мазка, чтобы увидеть истинную картину жизни.

Толпа пару секунд стояла в замешательстве.

В этот час размышлений, когда сердечные чувства друзей, словно струны, зазвучали в унисон, Джафари понимал: даже если мечты кажутся далекими, они никогда не ускользнут без следа. Он был уверен, что настанет тот миг, когда прошлое встретится с настоящим, соединяя их пути в один яркий и незабываемый момент.

Улыбнувшись Джафари, Атон, будто бы втайне от остальных, произнес очень ярко и искренне:

— Я скучал!

Тиморцу не нужно было никаких слов, по его взгляду можно было прочесть его эмоции: он очень рад этой встрече. Однако не для всех все было так же радостно и прекрасно.

Сзади послышался свист, сопровождающийся громкими хлопками. Атон оглянулся вполоборота и увидел десятки недоумевающих лиц. Юноша по имени Элиаш, затерявшись за спинами своих попутчиков, так и не решался поднять взгляд, боясь встретиться с глазами сильного и могущественного и по статусу, и даже по своему телосложению Атона. Джафари ловко взял ситуацию в свои руки, отстраняясь от приятеля и пройдя вглубь разреженной толпы, где в глазах у многих читалось неподдельное удивление. Устремив взгляд к берегу, где белоснежный песок, сверкающий на ярком солнце, простирался бескрайним ковром, и, возвышая голос над шумом, Джафари спросил, вновь оглядываясь и отмечая искреннее удивление в глазах окружающих:

— К чему сие столпотворение?

Дуновение теплого ветра солнечной столицы пронизывало каждую клеточку его тела. И в этой молчаливой схватке оставалось только ждать неизвестного. На заднем плане раздавались шепоты, загадочные и тревожные, но очень тихие, как шевеление листьев, колеблемых легким ветерком. Он чувствовал, что время растягивается, сливаясь с ожиданием грядущего, когда истина наконец даст о себе знать, как первая сверкающая звезда, вспыхнувшая в вечернем небе. Вместо того чтобы отступить от тревожного призыва, Джафари ощущал необходимость быть здесь, в этом мгновении, как художник перед полотном, которому не хватает лишь последнего мазка, чтобы увидеть истинную картину жизни.

Толпа пару секунд стояла в замешательстве.

— Чего уставились? — зло прорычал Атон, всем своим видом показывая, как легко отвлечь толпу.

Все молчали, их взгляды были прикованы к недавно появившемуся человеку, оказавшемуся достаточно близким другом для одного из вождей. Джафари же тем временем желал узнать повод для данного столпотворения, но в этой тишине взглянул на мыс Фатукама, где вера и надежда людей воплотились в статую Христа, наблюдающего за всем происходящим. Легко, словно ненароком, он скользнул взглядом по статуе, ставшей символом невидимых уз, связывающих людей. И подытожил про себя: «Не к добру это», — таким было его предчувствие.

Одна из групп странствующих личностей, во главе которой стоял человек по имени Рудо, начала бурно возмущаться.

— Голубки, так к чему мы пришли? — произнес Рудо, акцентируя первое слово с особой настойчивостью, словно искал хоть каплю ясности в хаосе их разногласий.

Джафари, пораженный таким уничижительным тоном, но не желающий выражать напоказ свое удивление, лишь приподнял бровь.

— Не советовал бы вам так выражаться, — произнес он с холодным спокойствием, в голосе его слышалось отчуждение.

Рудо вышел из строя, искренне стараясь заглянуть в глаза тому, кто, казалось, был добрым парнем, но посмел вторгнуться в чуждое ему пространство. Приблизившись к тиморцу вплотную, он медленно произнес каждое слово, окутывая их напряженным смыслом:

— А что будет, если я все же так скажу?

Атон пристально изучал Джафари, его лицо было напряжено от волнения. Внутри него бушевали противоречивые эмоции: он хотел вмешаться, остановить нарастающее в толпе напряжение еще до того, как Рудо начал свою речь, но одновременно ощущал непреодолимое желание увидеть, как изменился его старый друг. Оглядывая знакомые черты Джафари, Атон искал, в чем же заключаются перемены, пока ускользающие от его понимания. Следя за расколом между прошлым и настоящим, он чувствовал, как их жизни вновь переплетаются в игре, к которой ни один из них не был готов.

Джафари сократил расстояние между собой и Рудо и ответил в его же манере:

— Лучше не знать.

Этими словами он закрыл тему, отстранившись от Рудо столь же быстро, переводя взгляд на Атона. В его взгляде так и сквозила фраза «Я не сомневался», отразившая всю глубину его размышлений.

Атон, уловив эту невидимую нить, одарил старого друга одобрительной улыбкой. Между ними было много недосказанного, но сейчас они вновь встретились в сложных обстоятельствах и отставили личные разговоры на лучшее время. Так или иначе, минуты шло, а проблема так и оставалась висеть в воздухе. Атон быстро подмигнув Джафари, вновь взял инициативу в свои руки.

— Отправляемся в порт, господа, — решительно произнес Атон, подходя ко второму главарю, который, в свою очередь, был приверженцем сомнений, отрицая силу легенд, в то время как группа Атона была за то, что на острове происходит нечто необъяснимое и связанное с высшими силами.

Рудо же настаивал на том, что народ Восточного Тимора сошел с ума и количество легенд никак не влияет на ситуацию с исчезновением людей на острове. Рудо был из тех вояк, кого сложно переубедить в чем-то, его мнение оставалось непоколебимым.

Атон же вселял в толпу уверенность, умело приводя факты, которые никто не мог оспорить и доказать обратное, хотя и сам не мог быть вполне уверен в достоверности своих предположений.

В этом споре обретала форму не только раздвоенность мнений, но и незримая нить, соединяющая человеческие суждения и тайну, притаившуюся в недрах острова, ожидая своего часа.

Рудо насторожился.

— Что мы будем там делать? Остров Жаку всегда считался священным. Куда могли пропасть люди на необитаемом острове? — задавал он вопрос, удивленный этим загадочным фактом.

Для Джафари все их действия оставались загадкой, пока он не услышал шепоты о волшебном острове. В ту же секунду он постиг суть этой встречи на берегу и, недолго думая, вмешался.

— Противоречишь сам себе? — спросил Джафари, провоцируя Рудо, и его слова были чем-то внезапным, словно искры в вечернем сумраке.

Джафари был близок к правде, которая олицетворяла неразгаданные тайны. Само существование острова как священного места таило в себе некую опасность, словно предостерегая тех, кто осмеливался нарушить незримые законы, царящие в этом уединенном королевстве.

Присев на шероховатый камень, Рудо обнял колени руками, и его разочарование воплотилось в тяжелом вздохе. Сплин¹⁶ окутал его мысли с особой настойчивостью, не оставляя пространства для надежды. Глядя в бескрайнее море пустоты, он произнес с оттенком безысходности:

— Я уже не знаю, что и думать... — пробормотал он, запустив пальцы в свои волосы и покорно склонив голову, как будто в этом движении заключалась вся тяжесть его невыносимых мыслей.

Остров хранил множество секретов, и, возможно, он сам был одним из них, затерянным среди волн заблуждений и томительных раздумий. В этой тени тайн они все искали ответы, но, кажется, лишь находили новые вопросы.

Джафари присел рядом с Рудо в попытках разузнать больше об их дальнейших действиях. Словесные трения, которые произошли буквально пару минут назад, казались пустяком на фоне грядущих событий, которые усложнили жизнь местным жителям. Глядя на Рудо и одновременно раздумывая о переживаниях людей вокруг, Джафари вспомнил слова Джакарты, произнесенные при их последнем расставании: «На этом острове безлюдно, мне так хорошо здесь... Он волшебный, и я готова проводить здесь все свое время, лишь бы не возвращаться в логово печали, где смех моих родителей раньше был обыденностью для меня каждое солнечное утро, а теперь остается лишь мечтой».

Слова ее, полные горечи и надежды, звучали в его ушах, как нежный шепот, отражая страстное стремление девушки к свободе и спокойствию в этом затерянном раю.

«Надеюсь, ты не вовлечена в это, Джакарта?» — с глубоким волнением подумал он.

В целом мысли о девушках посещали Джафари лишь изредка. Но по отношению к Джакарте он почувствовал нечто более глубокое, чем простое волнение, и это заставляло его сердце биться чаще. В этом внутреннем вихре чувств ему определенно чудилось, что эта девушка занимает особое место в его сознании, в то время как принятые в обществе нормы и правила диктовали ему, что нужно выдерживать дистанцию. Несмотря на формальность обращения, в его душе зрела искра, обещающая нечто большее — тайное желание, грациозно прячущееся под маской приличия.

Когда Джафари вспомнил о пылкой страсти девушки к путешествиям, его мускулы мгновенно напряглись, словно электрический ток пронизывал его существо и вызывал в душе тревожный страх за ее судьбу. На загадочном острове за все годы своей жизни он побывал лишь один раз, и то он оказался случайным.

Когда Джафари было шестнадцать лет, они с отцом отправились в Лоспалос¹⁷ за неким подарком, который для мальчика подготовил его родной дядя, чья судьба была, к сожалению, с некоторых пор неизвестна. Все связи с ним были утрачены, и мальчик жил в неведении о его судьбе, как и его родители, которые так же не знали всей правды, которую и сами были бы рады знать. Однако в тот судьбоносный день Джафари и его отцу не повезло. Порт был наполнен людьми, и повсюду царила суматоха, пронизанная недомолвками и неясными взглядами. Боясь опоздать к отплытию, отец Джафари, Рауль, растерянно осматривался у билетного прилавка, и эта растерянность привела к фатальной ошибке: под влиянием тревоги за брата он неосознанно выбрал путь к острову Жаку, полагая, что там может находиться его родственник, вместо того чтобы следовать в Лоспалос.

¹⁶ ¹⁶ Сплин — тоскливое настроение.

¹⁷ ¹⁷ Лоспалос — город и подрайон на востоке Восточного Тимора.

И вот, когда отец с сыном скользили по волнам на небольшой моторной лодке и перед ними раскинулось бескрайнее море с единственным клочком земли в поле зрения — призрачным островком, осененным тайнами, — только тогда они осознали свою ошибку. Океан простирался до самого горизонта, словно приглашая их в безбрежное путешествие, отгесняя на второй план их растерянность, вызванную недоразумением — выбором направления к Жаку вместо Лоспалоса. Все это навсегда отпечаталось в памяти Джафари, как неосуществленная мечта. Остров, манящий своей загадочностью, словно призывал его: звал в свою бездну, обещающая приключения и открытия, но, влекомый неизменным страхом, он вновь оказался на берегу незнания. Судьба вновь свела его с этим загадочным местом, чтобы погасить многолетний конфликт времени и приоткрыть занавесу тайны, в которой Джафари оставался немым зрителем, как и Джакарта.

Джафари не стал медлить и предложил свою идею будущим напарникам.

— Я знаю, что происходит, — тихим голосом произнес Джафари, предчувствуя дальнейшие события.

Рудо уставился на него пронизательным взглядом, понимая, что, возможно, слова Джафари хоть как-то развеют тайну, над загадкой которой воины ломали свои умы, пытаясь прийти к паритету.^{18 18} Почему-то после резкого появления Джафари толпа людей уgomонилась.

Но рассказ Джафари лишь погрузил их в еще большее смятение, превратив ожидаемые ответы в новый поток загадок.

— Мы с отцом совершенно нечаянно попали на остров Жаку, когда мне было шестнадцать лет. Мы должны были плыть в Лоспалос, но вместо этого отец произнес название этого загадочного острова. Возможно, он сделал это преднамеренно, ведь наш дядя к тому времени не подавал никаких вестей: ни письма, ни знаков... ничего. И, скорее всего, отец хотел таким образом попытаться найти его... — эти слова давались мужчине с трудом, и он, сжав кулаки, решил перейти к главной сути своего рассказа. — Когда наша лодка подплыла совсем близко к острову Жаку, только тогда отец осознал, что нам не стоит выходить на его берег. Он сразу занервничал и захотел уплыть, но тут началось странное — течение будто специально мешало нам отойти от берега. Мы долго не могли отдалиться от этого места, потому что столкнулись с непреодолимой силой воды. Казалось, что остров хочет удержать нас в своих объятиях. И лишь каким-то чудом нам удалось наконец отчалить от этой злосчастной земли.

После этих слов воцарилась тишина, словно Джафари наложил чары на всех присутствующих, и теперь каждый из них ждал развязки, которая могла привести либо к пониманию, либо к окончательной потере смысла. Рудо, до этого погрузившийся в свои мысли, обратился к Джафари:

— Твой отец знал, что с этим островом что-то не так?

Джафари усмехнулся, глядя на него:

— Даже если бы и знал, уверен: его бы это нисколько не смутило.

Через паузу он добавил:

— Если бы я не знал, где находятся мои родители, или, еще хуже, знал об их пропаже, я бы весь мир перевернул, лишь бы снова услышать их голоса. И не важно, какие легенды ходили бы о каком-то загадочном острове! — его слова, полные горечи, достигли сердца каждого из присутствующих, напоминая им, насколько острым может быть лезвие судьбы.

«Джакарта нашла на том острове свой дом, в то время как я презираю это место, и, хоть я и поддерживал Атона в решении навестить остров и прийти к какому-либо умозаключению, я всем сердцем ненавидел эту идею. Я не предчувствовал беды, но и чего-то хорошего тоже не ждал», — с грустью размышлял Джафари.

^{18 18} Паритет — равенство взаимоотношений двух или более сторон по каким-либо параметрам.

Рудо с недоумением уставился на своих сторонников в ожидании, что какая-то умная голова из его группы предложит сногшибательную идею, однако поникшие взгляды его товарищей говорили сами за себя, словно кричали о безысходности.

Разделив одиночный шершавый камень с, возможно, будущим напарником, Рудо придвинулся ближе к Джафари. Камень, огромный и древний, словно выросший из самой земли, стоял у кромки берега. Его поверхность, испещренная трещинами и следами времени, хранила тайны тысячелетий, а соленый ветер, пронизывающий воздух, шептал о давно забытых историях.

Рудо возложил руку на плечо Джафари, одетого в мягкий бархатный пиджак цвета черной смолы, пытаясь хоть как-то отвлечь его внимание от песка, в который Джафари неотрывно вглядывался уже несколько минут, словно искал в его зыбких узорах ответ на невысказанный вопрос. Жест, на который не каждый воин решится, ведь чужая скорбь и проблемы — не их удел. Но в эту секунду в сознании воина промелькнула капля... сожаления? Абсурд. Воин, который все это время собирал свою группу единомышленников и яро отстаивал свою позицию, теперь смотрел на человека, признавшегося в неразгаданной тайне своего детства и усложнившего поиск ответа на единственный вопрос: «Что случилось с островом Жаку?»

И в этот момент Рудо задумался о том, как поддержать Джафари в минуты, когда душа этого человека была отягощена тяжестью неизвестности.

Атон держался в сторонке, осознавая, как воронка событий стремительно закрутила его судьбу, одновременно замедляя ее, даровав наконец встречу с добрым другом и обременяя его поиски истины. В отличие от главаря второй группы, Рудо, Атон был более рассудителен. Поддержка являлась для него своего рода жалостью, которая не щадит никого и пробивается в самые глубины сознания, пытаясь как можно ближе пустить свой яд в душу человека, заставляя того сжиматься от страха и боли. И в то время, когда вокруг все стремительно развивалось, Атон оставался недвижимым в пространстве, словно статуя, впитывая в себя информацию обо всей сложности человеческой судьбы и осознавая, что именно в этом противоречии скрывается сущность его поисков.

— Если вы все так неподдельно уверены в том, что с островом творится нечто злое, порожденное необъяснимыми событиями, я предлагаю... — начал Рудо и, обернувшись к Атону, продолжил с волнением в голосе: — Давайте отправимся туда немедленно! И если мы найдем подтверждение хотя бы одного из ваших предположений, мы объединим усилия и совместно займемся разрешением этой загадки.

Атону пришлось по душе его инициатива, и, не колеблясь, без тени сомнения, он поправил друга:

— Тебе в любом случае придется объединиться с нами, потому что, исходя из твоих фактов, смею полагать: остров не без грехов.

Внезапно женский смех, словно легкий шелест ветра, нарушил тишину своим игривым звучанием. Бурное желание разгадать эту тайну переплелось с настороженностью и чьим-то внезапным весельем.

— Туше... — пробормотал Рудо, оборачиваясь к Джафари, и заметил с удивлением: — А твой друг, оказывается, умеет шутить. Впервые за десять лет нашей совместной работы кто-то посмеялся с его шутки.

Теперь, когда все решили, что будут делать, стало очевидно: впереди их ждут великое приключение и загадка, манящая своим зловещим очарованием. Люди оживленно зашептались, соглашаясь с решением своих вождей. Элиаш, до этого скрывавшийся в толпе, внезапно вышел вперед и приблизился к Рудо.

«Надо же, как он внезапно осмелел...» — подумал Атон, осознавая, что испытывает далеко не самые добрые чувства к этому трусливому парню. Но теперь было не до эмоций — действовать нужно незамедлительно.

— Мы можем взять с собой карту и все необходимые припасы, — сказал Рудо, осматривая друзей, чьи лица выражали как страх, так и азарт. — Никто не знает, что нас ждет на этом проклятом острове, но у нас есть шанс раскрыть его тайны!

Атон кивнул, его светлые глаза сверкали от волнения:

— Мы должны быть готовы ко всему. События, которые произошли там, не оставляют сомнений в том, что остров хранит в себе нечто большее, чем то, что дошло до нас в запутанных легендах.

И вот люди начали готовиться к отплытию. Каждый ощутил нарастающее волнение, как будто время перед отплытием в неизвестность сжималось в воздухе. Мечты о приключениях облекались в реальные действия.

Джафари отпрянул от Рудо, который все это время наблюдал за реакциями и действиями тиморца.

— Довольно разглядывать меня, — произнес он. — Пора в бой.

От Атона не ускользнула эта пикировка. Он лишь поймал взгляд друга, усмехнулся в знак доброго понимания и, едва сдерживая внутренний порыв, готов был крикнуть, призывая всех поспешить. Некоторые из женщин стояли на месте, будто затеяв тихий бунт, и это лишь подстегивало его нетерпение.

И они добились своего — Атон сорвался с места, подойдя к двум молодым девушкам, которые, скрестив руки, наблюдали за происходящим.

— Дамы, мы пришли сюда не для того, чтобы стоять, — его тон был серьезным и с нотками недоверия к ним.

Повернувшись вполоборота к своим напарникам, он проговорил следующее, словно клятву, которую все должны знать наизусть:

— Главная ошибка всех женщин — полагать, что, приютившись среди множества воинов, где есть свой командир, они могут иметь собственное мнение. Это верх недоразумения.

Самодовольно усмехнувшись, Атон поймал взгляд Элиаша, который в тот момент держался рядом с Рудо, и продолжил:

— Женщина, которая пытается навязать всем свою волю, находясь среди мужчин, обречена на поражение, — его голос звучал холодно и безжалостно. — Она забывает, что ее место — в тени, где она может быть защищена, но не замечена. Все, что выходит за эти рамки, — не более чем иллюзия, которая рано или поздно разобьется о суровую реальность.

Толпа молчала, но в глазах многих читалось согласие. Они знали, что эти слова — не просто мнение, а закон, выкованный годами битв и потерь. Женщины, которые пытались нарушить этот порядок, всегда терпели крах, и никто не хотел повторения таких ошибок.

Атон всегда говорил то, что думал. Поступать так ему было куда проще, чем вызывать недоумение спутников запутанными речами или же без слов прибегать к рукоприкладству, если кто-то ослушался. Ну а если кто-то яростно сопротивлялся словесно, Атон просто затыкал тем рот и грозил страшными последствиями.

Элиаш, услышав эти слова, на мгновение замер, его взгляд скользнул по Рудо, который, казалось, был полностью поглощен своей задачей. Но в глазах Элиаша промелькнула тень сомнения, словно он чувствовал, что в этих словах Атона кроется нечто большее, чем просто высокомерие.

— Ты говоришь так, будто женщины созданы лишь для того, чтобы прятаться, — тихо сказал он, обращаясь к Атону, но не отрывая взгляда от Рудо. — Но разве не они вдохновляют нас на подвиги? Разве не их сила, пусть и скрытая, дает нам опору?

Атон усмехнулся, но в его глазах загорелся холодный огонь:

— Вдохновение — это одно, а власть — другое. Женщина, которая пытается взять на себя роль лидера, разрушает порядок. Она становится угрозой не только для себя, но и для

тех, кто ее окружает. И даже если вскоре она поймет свою ошибку, будет слишком поздно. А исправить свои ошибки ей не удастся тем более.

Рудо поднял голову и встретился взглядом с Элиашем. В глазах Рудо светились понимание и решимость. Он знал: в словах командира таилась недосказанность. Ведь настоящая сила скрывается именно там, где ее не ждут.

Атон захотел услышать мнение девушек. Получив достаточно сведений, они перестали сопротивляться. Обернувшись, Атон посмотрел на девушек по очереди. Взгляд его стал жестким.

Темноволосая девушка в таис¹⁹ в стиле фето²⁰ действовала на опережение. Ее платье цвета осеннего каштана будто стремилось взлететь, подхваченное порывом ветра, но проворные пальцы девушки тут же его осаживали. Ее рука, словно тонкий барьер, преградила путь приближавшемуся мужчине.

Жест был резким, решительным — и ее кеке²¹ щелкнуло, как сбившиеся в кучу бусы. Их взгляды встретились — вспышка, как от молнии. В них читались и недовольство, и потаенные, едва осознаваемые желания.

— У меня есть предложение, — холодно произнесла она, стараясь унять страх, сдавивший грудь.

«Не боюсь ни капли!» — повторяла она про себя, как заклинание.

Но страх выдавал ее с головой: она резко вскинула руку перед его лицом, пытаясь защититься.

Фабия резко дернула свою младшую сестру за руку, пытаясь остановить. Наклонившись к ее уху, прошептала только для нее:

— Паула, остановись! Не рискуй. Папа будет в ярости, если узнает, что ты споришь с вождем!

Но Паула ей не ответила. Ее взгляд, не мигая, впился в вождя. Рука так и осталась поднятой.

В глазах Атона вспыхнула искра любопытства. Он окинул эту смелую девушку взглядом с головы до ног, задержавшись на миг на губах, словно пытаясь прочесть тайну, скрытую в ее лице.

«До чего же она храбрая. Но страх все равно сквозит в глазах», — точно подметил он про себя, пытаясь предугадать ее дальнейшие действия.

«Может, я и правда зря?..» — с горечью подумала младшая сестра.

Мужчина уважал смелость, но сейчас это выглядело чистойшей нелепостью. Если Паула хотела предложить какую-то идею, то она выбрала неподходящее время и место.

— Я не ослышался? Предложение уже прозвучало.

Атон смотрел на Паулу, ожидая слов, но девушка молчала. Тогда он решил действовать на опережение: шагнул ближе, сократив и без того крохотное расстояние между ними, перехватил ее руку, все еще вытянутую вперед, и сжал в своей ладони.

Словно хищник, он медленно протянул:

— Мне повторить — или уже понятно?

Сцена затягивалась. Остальные уже готовились двинуться в путь.

С пляжа раздался окрик:

— Атон, хватит! Не возись с ней!

¹⁹ ¹⁹ Таис (tais, *тетум*) — традиционная ткань, важная часть культуры Восточного Тимора.

²⁰ ²⁰ Фето (feto, *тетум*) — в языке тетум это слово означает «женщина» или «девушка». В данном контексте выражение «в таис в стиле фето» относится к традиционному женскому способу ношения этого текстиля.

²¹ ²¹ Кеке (keke, *тетум*) — это традиционный браслет, который носят в Восточном Тиморе. Обычно он изготавливается из ракушек или бусин и часто используется в церемониях и танцах.

Но эти двое, словно находясь в каком-то своем мире, не замечали ни окрика, ни друг друга. Их взгляды скрестились — жесткие, неумолимые.

Тишину нарушил ее голос:

— Не стоит.

Паула произнесла это почти шепотом, но твердо, и Атон улыбнулся.

Все вокруг следили за ними с невольным любопытством. С пляжа снова донесся голос — это кричал напарник Атона, Леонорор, и теперь уже настойчивее. Он выкрикнул фамилию Атона, призывая к действию:

— Диас, я не шучу! Пора идти!

Но Атон будто не слышал, продолжая стоять, не отпуская руку девушки. Морской ветер трепал ее каштановые волосы, а ее сбивчивое, прерывистое дыхание сливалось с его дыханием. Казалось, время замерло, а мир сжался до них двоих.

— Тогда скажи сама, — наконец сказал он, и в его голосе звенел вызов. — Вижу, твоя сестра очень не хочет, чтобы ты это озвучила.

Фабия сдерживала дрожь, нервно дергая сестру за рукав, словно пытаясь усмирить хаос, который сама и породила. Но ее судорожные движения лишь усугубили положение.

Атон будто очнулся от наваждения. Его взгляд изменился. Он резко притянул Паулу к себе и твердо произнес:

— Говори.

Паула отпрянула и, перестав мучить себя и его ожиданием, уверенно сказала:

— Нужно разделиться.

Мужчина взглянул на нее с лукавым недоумением: шутит она или всерьез намерена подвергнуть опасности всю группу?

— Новые пропажи людей нам не нужны... Тем более таких очаровательных и пугливых одновременно.

Это не было заигрыванием: Атон просто констатировал факт. Паула, обычно такая скромная, рядом со старшей сестрой словно преображалась. Беспечность слетела с нее — осталась лишь решимость. Она хотела доказать, что справится сама.

Фабия ловила каждое движение сестры: как выпрямилась ее спина, как сжались кулаки, как в глазах вспыхнул незнакомый прежде огонь. Мгновения растягивались. Время будто застыло, унося с собой все лишнее. В груди Фабии боролись два чувства: проблеск понимания — и ледяной страх перед тем, что последует. На лицах сестер читались противоречивые эмоции: в глазах Паулы — вызов, во взоре Фабии — нерешительность. Взгляды девушек встретились, словно они искали опору друг в друге.

«Настолько ли ты веришь своим словам?.. — мысль с недоверием застыла у него в голове. — Или это иллюзия, призванная отвлечь внимание?»

— Оставайтесь, — бросил Атон. Затем, резко повернувшись к Фабии, произнес: — Но без нее.

Позади раздался оклик:

— Диас!

Атон резко обернулся. На него насмешливо смотрел Рудо.

— Легенда острова все еще интересна?

Атон не ответил и тут же отвернулся, возвращая все свое внимание к девушкам.

Время будто остановилось. Атон потерял всякий интерес к Пауле. Его взгляд скользнул мимо, будто она превратилась в тень. Он шагнул к Фабии, резко сжал ее запястье. Та вздрогнула от неожиданности, но не попыталась вырваться — пальцы Атона впились в ее запястье. В ее глазах читалось понимание: теперь она центр его внимания.

— Ты знаешь, в чем ее ошибка? — тихо спросил Атон, не отпуская руки.

Фабия молча кивнула. Паула позади тихо ахнула, но ни Атон, ни Фабия уже не смотрели в ее сторону.

— Она... — голос Фабии дрогнул, — она думает, что правила можно нарушать, если это удобно.

Атон чуть сильнее сжал запястье, словно проверяя: готова ли она идти до конца.

— А ты? Ты также думаешь?

Фабия встретила с ним взглядом. В этот момент она осознала: от ее ответа зависит не только судьба Паулы, но и ее собственная.

— Она не учла цену, — прошептала Фабия. — Цену слов. Цену решений.

Атон кивнул. Его пальцы разжались, но облегчение не пришло — будто он только что отпустил не запястье, а последнюю нить, связывающую их всех.

— Тогда самое время научиться, — произнес Атон. — Пойдем с нами.

Он, наконец, посмотрел на Паулу — но не с гневом, а с ледяной ясностью.

— Видишь? Это и есть цена слов. Ты решила, что правила — лишь для других. Теперь посмотри, как они работают на тебе.

Фабия невольно вздрогнула, ощутив, как напряглись пальцы Атона. Паула побледнела: она поняла — это не угроза, а начало урока.

— Язвить и устанавливать правила под силу любому, — продолжил Атон, — но следовать им дано не каждому. Ты выбрала первый путь. Теперь посмотрим, выдержишь ли второй.

Он резко развернулся, закрывая Фабия собой.

— Фабия! Отпустите ее! — закричала Паула, в то время как другие воины закрыли ее сестру массивными спинами.

В глазах Фабии в этот момент бушевала буря эмоций: страх перед отцом, вина за то, что не уберегла сестру, и сожаление о сказанном.

Атон почувствовал, как напряжение в воздухе нарастает. Он осознал: его поступки будоражат окружающих. Но за этим фасадом таилась иная цель: он хотел показать Пауле, насколько ценны истинные слова, а не те, что произносятся под влиянием эмоций.

Когда Паула осталась позади, поглощенная тенью, Атон вновь обратился к Фабии:

— Ты должна понять, — сказал он медленно, взглянув ей в глаза, — что каждое слово имеет свою силу. Оно может как исцелять, так и уничтожать. Не становись пешкой в чужих играх и не повторяй ошибок своей сестры.

Глядя на удаляющиеся фигуры воинов, Паула ощутила безысходность. Она знала: сестра не годится в защитницы, но где-то в глубине души еще теплилась надежда. Эмоции накалялись, и, стоя позади воинов, Паула не могла просто наблюдать, как разрывается их с сестрой связь.

Оставшись одна, Паула почувствовала себя брошенной на произвол судьбы среди крутых невысоких холмов, покрытых эвкалиптовыми кустарниками с редкими вкраплениями тропических деревьев.

Атон в последний раз взглянул на страдающую Паулу. Та рухнула на песок, ее некогда чистый наряд теперь был покрыт пылью и грязью. В глазах застыли слезы, пелена которых скрывала от нее окружающий мир. Она пыталась заглушить неудержимый плач, разрывавший душу, но с каждым вдохом в ней рождались новые мучительные вопросы:

«Что же делать?» — эхо этих мыслей тяжким бременем ложилось на ее сердце.

Атон не обращал внимания на бушующие страсти. Он пытался понять: она та, кем себя видит, или лишь тень истинного я?

Он думал и о ней, и о надежде, что с ней связана.

«Не сбежит, если умна... Дождется...» — размышлял Атон, словно пытаясь отыскать в лабиринте сомнений единственно верный ответ.

В глазах Паулы отразился страх. Она не знала, что ей теперь делать. Она верила: ее идея достойна и принесет пользу, но теперь все обернулось иначе.

Они с Фабией переехали в Восточный Тимор и узнали о загадочном острове. Вскоре они захотели поучаствовать в разгадке тайны — что же с ним происходит на самом деле.

Атон чувствовал, как внутри него борются тревога и решимость. Он не мог позволить себе остановиться, не мог оставить товарищей. Он ощущал каждое движение Фабии. Хотя она и пыталась сохранить спокойствие, Атон знал: ее мысли заняты Паулой.

Машинально он снова оглянулся — и в этот момент боль Паулы стала для него очевидной: человеческая уязвимость, зажата между страхом и надеждой.

Эта ситуация напрягла остальных членов команды. Они подобного не ожидали. У всех были различные догадки, но с расспросами никто не лез — не хотел стать заложником собственных домыслов.

Вскоре, когда отряд отошел на достаточное расстояние от пляжа, Джафари нагнал Атона и похлопал его по плечу. Это был знак: теперь он не один — рядом тот, кто не раз выручал его в тяжелых ситуациях.

— Друг мой, как ты? — спросил Джафари.

Леонорор, третий вожак, который все это время шел рядом с Атоном, бросил надменный взгляд и воскликнул с едва скрытым сарказмом:

— Все никак не могу к тебе привыкнуть.

Леонорор был начеку. Резкое появление Джафари в команде вызывало у него настороженность.

— Не стоит, Леонор, — примирительно произнес Атон. — Иди лучше приведи в сознание девчонку.

Леонорор с сомнением взглянул на Атона, но, покорно кивнув, отошел в сторону.

Джафари перевел взгляд с девушки обратно на друга. Атон понял: Джафари тоже был удивлен.

— Это был опрометчивый поступок с ее стороны. Я, как воин, не мог допустить иного варианта. Людей должны учить события, а не случайные люди.

При слове «случайные» его взгляд потупился.

Атон нахмурился, наблюдая, как Леонорор направляется к Фабии.

— Значит, по-твоему, события — лучшие наставники? — с пренебрежением поддел Джафари.

В его голосе слышалось что-то, что заставило Атона насторожиться. Он знал Джафари давно, ценил его мудрость и отвагу, но в этот раз в его словах прозвучала неприкрытая жестокость.

— Паула просто хотела помочь, — тихо ответил Атон, стараясь скрыть раздражение. — Она верила в эту идею так же, как и мы.

Джафари вздохнул, проведя рукой по лицу.

— Я понимаю, Атон. Но это не игра. Здесь ставки слишком высоки, чтобы позволить эмоциям взять верх.

— Именно поэтому нам нужно быть внимательными к каждому, — возразил Атон. — Особенно к тем, кто проявляет слабость. Они наша ответственность.

Он отвернулся, устремив взгляд на горизонт. Впереди их ждал остров, полный загадок и опасностей. И Атону предстояло не только разгадать его секреты, но и сохранить свою команду целой и невредимой.

Паула же никак не могла успокоиться. Лишь спустя двадцать минут она обессиленно опустилась на гладкий песок, который стал щекотать ее босые пятки. Паула не любила носить обувь, особенно на пляже. Но побыть наедине со своими мыслями ей не удалось: в душе бушевали переживания за сестру, которую только что у нее отняли.

«Папа, прости нас...» — шептала Паула в тишине.

Небо темнело, ветер шевелил листья деревьев, и в воздухе нарастало беспокойное предчувствие. Паула утерла слезы рукавом синеватого платья и, подхватив подол, бросилась прочь. За ней на золотистом песке оставались следы. Она не знала, куда бежит, да это и не имело значения. Главное — уйти подальше от этого места, от мучительного воспоминания, терзавшего ее сердце. Бежать туда, где боль хотя бы на миг отступит.

Глава 3. Белая попытка

Сон перестает быть мягким облаком, пока одна из туч не скроет то дурное, что мы принимаем за доброе. Порой мы сами закрываем глаза на скрытую правду, но судьба, тихая и неумолимая, бережно приоткрывает их, возвращая нас к свету истины.

Джакарта

Сознание покидало меня, словно песок, ускользающий сквозь пальцы. Время мчалось безудержно, растворяя границы между мирами. Белое полотно, ослепительное и безбрежное, поглотило меня. Ни звука, ни шепота — лишь тишина, звенящая в ушах.

Я думала: то ли умираю, то ли уже мертва, то ли это и есть конец, последний вздох перед вечным покоем. Так ли выглядит астральный мир?

Однако судьба решила иначе. Эфемерное течение затягивало меня все ближе к тайне, которая манила и пугала одновременно. Но неведомая сила замедлила мой путь. И тогда я услышала чей-то плач — тихий, но пронзительный, как крик души, затерянной в бесконечности.

Дом семьи Бакир, 1994 год

В доме, где время, казалось, замедляло свой бег, царила атмосфера тепла и уюта. Старый ковер, сотканный из нитей воспоминаний, мягко стелился под ногами, а за окном, словно в такт неторопливым беседам, шелестели листья вековых деревьев. Айла накрывала на стол, расставляя пряности, чей аромат плыл по комнате, и сладости, обещавшие гостям радость. За окном уже стемнело. Вдруг в дверь постучали. Айла, хозяйка вечера, почувствовав, что праздник в самом разгаре и гости начали прибывать, поспешила открыть. Ее платье — абая-тройка^{22 22} — кружилось в стремительном танце, подчиняясь каждому ее движению, словно живое. Пояс платья был украшен стразами, что сверкали в глазах каждого, кто смотрел на эту женщину. Лукман, который все это время наблюдал за ней, одарил жену изящной улыбкой — редким даром, который они могли позволить себе лишь в такие дни.

На пороге стояли Бернард с Сицилией, на их лицах красовались улыбки, ведь они пришли не с пустыми руками. Когда Айла распахнула дверь, Сицилия с мужем весело воскликнули:

— Ид мубарак^{23 23}! Счастья, здоровья, мирного неба над головой и всего самого наилучшего!

Лукман, услышав эти искренние пожелания, поспешил к двери. Айла, растроганная теплыми словами, улыбнулась в ответ и пригласила гостей войти. Лукман подошел к двери и обменялся с Бернардом крепким рукопожатием, а Сицилия нежно обняла Айлу и вручила ей небольшой, но изысканно упакованный подарок. В нем лежали различные вкусоности, такие как: баклава^{24 24}, баурсак^{25 25}, четки^{26 26} и сувенирная тарелка.

^{22 22} Абая — традиционная длинная арабская женская одежда, покрывающая все тело, кроме лица, рук и ступней. Абая-тройка — современный комплект, включающий абайю, платок (хиджаб) и иногда дополнительные элементы.

^{23 23} Ид мубарак (араб. *إفراح مديني*) — традиционное мусульманское приветствие, используемое для поздравления с праздниками Ид аль-Фитр (Ураза-байрам, праздник окончания поста в месяц Рамадан) и Ид аль-Адха (Курбан-байрам, праздник жертвоприношения). Фраза переводится как «благословенный праздник», или «счастливого праздника». Произносится в дни праздников и может сопровождаться объятиями и обменом подарками.

^{24 24} Баклава — слоеный десерт из теста фило с ореховой начинкой, пропитанный сладким сиропом, распространенный в кухнях стран Ближнего Востока и Средиземноморья.

^{25 25} Баурсак — это традиционное блюдо, распространенное в кухнях многих тюркоязычных народов, особенно в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане. Это небольшие кусочки теста, обжаренные во фритюре.

Семья Да Коста не скупилась на подарки, особенно для близких друзей. Визиты их были редки, но каждый становился ярким и незабываемым. Несмотря на разницу в вероисповеданиях собравшихся, за столом царила гармония. Они поднимали бокалы за дружбу, за мир, за то, что объединяет людей, а не разъединяет. В этот вечер все казалось возможным, а время текло медленно, словно давая понять, что такие моменты нужно ценить.

Гости переступили порог, и дом наполнился смехом, оживленными разговорами и ароматами праздничного ужина. Здесь уже царила праздничная атмосфера: звучала музыка, на столе красовались угощения, и гости, собравшиеся в гостиной, увлеченно беседовали.

— Как приятно видеть вас здесь! — сказала Айла, провожая гостей к столу. — Мы только начали, так что вы как раз вовремя.

Бернард, оглядев комнату, заметил:

— У вас всегда так уютно, Айла. Прямо как в детстве, когда мы собирались всей семьей.

Сицилия, устроившись рядом с супругом, добавила:

— Да, это чувство тепла и радости. Спасибо, что пригласили нас разделить этот день.

Лукман, подняв бокал, предложил тост:

— За дружбу, за счастье и за то, чтобы такие моменты повторялись как можно чаще!

Остальные гости поддержали этот тост.

«Я вернулась в прошлое? Зачем я это вижу? Неужели это тот самый день?» — девушка стояла посреди комнаты, наблюдая за всеми. Смотреть на счастливые лица пропавших родителей было пыткой. Ведь это все было не по-настоящему. Это было лишь иллюзией, миражом, лишенным подлинности.

Проведя какое-то время за столом, Лукман с Айлой предложили своим друзьям переместиться на пол, где располагался сиджада^{26 27}. На коврике прямоугольной формы была изображена мечеть с куполом в верхней части и аркой внизу. Помимо этого, коврик оказался украшен сложным узором из цветов и геометрических фигур, а также бахромой по краям. Темный оттенок зеленого преобладал в этом изображении, что делало ковер достаточно контрастным на фоне пола. Пока Сицилия с Бернардом отходили от стола, Айла успела разложить подушки на коврике, чтобы создать более располагающую к отдыху зону. Когда все расселись по местам, создалось то самое впечатление уюта, которое хозяйка всегда старалась поддерживать, дабы все гости были довольны. Остальные собравшиеся последовали их примеру: разделились на группы, болтали и развлекались — что и было целью этой встречи. В это же время к ним присоединился мужчина по имени Рубен, старый друг Лукмана. Его появление словно вдохнуло в комнату новую энергию.

Айла, вспомнив об их дочери, спросила:

— Как поживает ваша девочка? Почему вы не с ней?

Бернард слегка прокашлялся, будто ожидал этого вопроса.

— Мы оставили ее дома. Она в последнее время не любит никуда выходить.

В его словах прозвучал легкий оттенок лжи, который, словно тень, коснулся его лица.

Айла внимательно взглянула на Бернарда, ее взгляд обострился, словно пытался разглядеть то, что скрывалось за его словами. В ее глазах мелькнуло сомнение, но она не стала настаивать.

— Надеюсь, она скоро поправится, — произнесла Айла сдержанно, хотя в голосе чувствовалась натянутость.

Джакарта, стоя в стороне, с трудом скрывала усмешку. Она знала, что родители всегда были мастерами приукрашивать правду. Но сегодня их ложь казалась особенно неуклюжей.

^{26 26} Четки — предмет религиозного культа, используемый для счета прочитанных молитв или мантр. Представляют собой нить с нанизанными бусинами, узелками или другими элементами.

^{27 27} Сиджада (араб. *سجدة*) — бытовой коврик для сидения, не имеющий религиозного назначения.

«Вот же шельмы^{28 28!}» — подумала Джакарта, наблюдая за реакцией родителей.

Напряженная тишина окутала комнату. Даже уличный шум словно притих. Бернард нервно поправил воротник рубашки, а его жена опустила глаза, будто пытаясь избежать чужого взгляда.

Однако неловкое молчание прервал Рубен:

— Ну что ж, — он сделал паузу, словно пытаясь разрядить обстановку. — Дети есть дети. У них свои причуды.

Но слова прозвучали неубедительно, и тишина снова сомкнулась над собравшимися.

— Я вас понимаю, мой племянник тоже был таким какое-то время...

Сицилия ответила ему благодарной улыбкой. Но Рубен, начав разговор, был настроен серьезно, однако его серьезность мгновенно испарилась — когда он не произнес следующее:

— Но они с отцом скоро приедут! И я снова стану счастливым дядей, хоть и виню себя за то, что наши встречи так редки. Это бремя до сих пор со мной.

Айла встретила взглядом с печальными глазами Рубена. Но в ее мыслях крутился лишь один вопрос: «Как так можно?» Для женщины не видеться с детьми казалось почти грехом. Но Айла старалась не упрекнуть давнего друга мужа. Вместо этого она произнесла неуверенно:

— Есть ли причины, почему вы видите так редко?

Рубен, стараясь отшутиться, произнес:

— Причины, которых я не знаю. Однако я не вижу в этом ничего грустного. Возможно, я не совсем хороший дядя. Но если это осталось далеко в прошлом, то сейчас я не выгляжу брошенным родственником — я ощущаю себя частью семьи, которая всегда была со мной.

Хозяйка праздника неожиданно для всех встала с подушек и направилась к Рубену, сохраняя уважительную дистанцию. Она обняла его за плечи, выражая поддержку. В этом жесте читался невысказанный вопрос.

Рубен на мгновение накрыл ее руки своими, принимая тепло с благодарностью. Он мягко улыбнулся, ощутив ее прикосновение. Прошлое отступило, оставив место настоящему.

Айла отстранилась, и в воздухе остался едва уловимый цветочный аромат. Грациозно заняв свое место, она словно дала знак — зазвучала тихая музыка. Напряжение постепенно рассеивалось, уступая место спокойной атмосфере. Рубен чувствовал себя как дома. Праздник превращался в символ новой жизни, полной любви и надежды.

Но внезапно звон разбитого стекла пронзил тишину. Крики, уже готовые сорваться, замерли на губах. В памяти многих ожили картины оккупации Индонезии — времени насилия и переживаний, когда солдаты врвались в дома, ломая судьбы.

Все в комнате застыли. Время словно остановилось. Рубен инстинктивно подался вперед, пытаясь защитить окружающих. Но было поздно — в комнату ворвались вооруженные люди в масках. Их уверенные движения свидетельствовали о том, что это было не первое вторжение.

Айла, сохраняя самообладание, попыталась заговорить с ними, но ее голос затерялся в общем гуле. Один из нападавших — судя по всему, главарь — начал отдавать приказы. Комната превратилась в арену смертельной схватки, где каждая секунда могла стать последней.

— Прошу вас, не нужно! — в отчаянии закричала женщина, но поняла, что слишком поздно.

Ей скрутили руки за спину и прижали к столу, лишив возможности сопротивляться. Слезы струились по ее щекам. Лукман боролся до последнего, однако его все же поставили рядом с женой.

Рубен, не раздумывая, бросился на одного из нападавших, попытался вырвать у того оружие. Завязалась яростная схватка, в которой каждый боролся за свою жизнь. Остальные гости в ужасе разбежались, прячась за диванами и столами и молясь о спасении.

^{28 28} Шельма — ловкий, хитрый человек; мошенник, плут, пройдоха.

Джакарта смотрела на хаос, сердце ее сжималось от чужой боли. В мире, где рядом с любовью и счастьем живут грязь, ненависть и жажда власти, всегда найдется место войне.

Индонезийская оккупация, продолжавшаяся двадцать три года, навсегда изменила судьбы жителей Восточного Тимора, оставив неизгладимый след в их сердцах. Массовые убийства, сожженные дома — все это стало обыденностью. По словам Джафари, люди искали убежища, и когда все надежды были погребены во тьме, они бежали в единственное место, где еще теплилась надежда — в церковь. Для них она становилась не просто местом для молитв, а настоящей крепостью, последним бастионом в борьбе против ежедневной жестокости.

Джакарта, представляя эти картины, чувствовала, как холод отчаяния сковывает сердца тех, кто потерял все. Она видела лица детей, испуганно прижавшихся к матерям, слышала шепот молитв, пробивавшийся сквозь вой сирен и крики боли. Это была боль, которую нельзя было просто увидеть — ее нужно было пережить. Правда рвалась наружу.

Тем временем индонезийские военные не оставили в живых никого из тех, кто был на мусульманском празднике. Попытка Рубена сопротивляться обернулась парой ударов — и его скрутили, как и Айлу.

Рубена, несмотря на отчаянные попытки вырваться, быстро обездвигили и швырнули на пол. Один из военных — крепкий мужчина с обветренным лицом и глазами, полными ледяной жестокости, — пробрался через тела убитых, резко распахнул шкафчик и стал рыскать по нему, пытаясь что-то найти. Он отбрасывал в сторону молитвенные коврики, разноцветные ткани и расписные тарелки. Его цепкий, одержимый взгляд искал что-то конкретное, и эта одержимость затмевала даже ужас только что содеянного.

Наконец его пальцы сжали что-то твердое, завернутое в грубую холщовую ткань. Военный достал небольшую тяжелую шкатулку из темного дерева, украшенную серебряной инкрустацией. Ключ на его поясе вошел в замок как влитой.

Айла тяжело дышала, все еще прижатая к столу.

— Нет! — резко крикнула она.

Шкатулка открылась с тихим щелчком, явив свое содержимое: несколько пожелтевших фотографий и тонкую кожаную записную книжку. Военный вытащил фотографию, на которой были изображены отец Айлы и она сама. На обороте черными чернилами было выведено: «1968».

Сержант Фаррел — мужчина с лицом, изрезанным морщинами и из-за этого похожим на карту древней земли, — стиснул фотографию в кулаке. Его глаза, потухшие за годы службы, теперь пылали яростью. Он не знал, кто эти люди, но фотография, на которой улыбалась Айла, а ее отец смотрел строго, но с любовью, пробудила в нем давно забытое чувство — жалость. Жалость, которую он тут же растоптал, сменив ненавистью к тем, кто посмел нарушить хрупкий порядок в этой оккупированной земле.

— Убивай! — взревел он на молодого солдата Дарму, который с любопытством разглядывал осколки разбитых тарелок, валявшиеся на полу.

Дарма — его юное лицо еще не знало таких ужасов — вздрогнул.

— *Sialan kau, Darma!*²⁹ — прорычал Фаррел, и голос его прогремел, как удар грома, в мертвой тишине разрушенного дома.

Он не мог позволить себе слабость, не имел права чувствовать. Война не оставляла места для эмоций, и он знал это лучше, чем кто-либо другой.

Дарма замер, глаза его расширились от страха и недоумения. Он не понимал, что происходит, и это лишь подливало масла в огонь гнева военного. Фаррел шагнул ближе, дыхание его стало тяжелым, прерывистым.

²⁹ ²⁹ Фраза на малайском языке *Sialan kau* носит ругательный характер (примерно соответствует русскому «черт тебя побери»).

— Ты здесь не для того, чтобы разглядывать осколки! — рыкнул он, сжимая в руке фотографию.

В одно мгновение Фаррел оказался рядом с молодым солдатом, грубо отшвырнув его в сторону. Его рука, судорожно сжимавшая пистолет, дрожала от напряжения, но была готова нажать на курок. Он знал, что должен действовать быстро. Взгляд впился в Айлу, стоявшую в углу; ее глаза были полны ужаса.

— Не смей! — закричал Лукман, бросаясь вперед, чтобы защитить жену.

Сердце Фаррела бухало в груди, будто пыталось вырваться. Он видел, как Лукман, искаженный яростью и отчаянием, летит на него, но в голове билась единственная мысль: «Выполнить приказ». Он поднял пистолет; рука не дрожала, несмотря на бурю внутри.

— Убейся! — прорычал Фаррел, не скрывая дрожи в голосе. Он не хотел этого, но война не оставляла выбора. Взгляд метнулся к Айле — она сжалась в углу, губы дрожали, словно у загнанного зверя. Она была лишь пешкой в этой безумной игре, но для него сейчас стала мишенью.

Военный не стал медлить и выстрелил. Лукман выгнулся от боли — пуля вошла в плечо.

— Лукман! — Айла взвизгнула, ее голос резал слух. Она ринулась к мужу, но Фаррел, еще не остывший от адреналина, шагнул вперед, преграждая путь.

— Уйди! — рявкнул Лукман, в голосе клокотали ярость и страх. Он не хотел, чтобы она стала следующей. Война вырывала людей, как ураган вырывает деревья, и он не мог потерять еще кого-то.

Дарма, стоявший в стороне, наконец пришел в себя. Его глаза, полные ужаса, встретились с глазами Фаррела. Он не понимал, как можно так легко отнять жизнь, как можно так безжалостно выполнять приказы. В его душе разгорелся внутренний конфликт, и он почувствовал, как его собственная человечность начинает угасать.

— Ты не должен был этого делать, — дрожащим голосом произнес Дарма. — Мы не звери!

Фаррел обернулся к нему, его лицо было каменным, но внутри бушевала буря. Он знал, что Дарма прав, но в тот момент это не имело значения.

— Жалкий щенок! — прокричал Фаррел прямо ему в лицо, мгновенно вскинул свой автомат и выстрелил, попав прямо в сердце Айле.

Лукман бросился к своей любимой. Он прижал Айлу к себе, его тело сотрясало от рыданий. Кровь быстро пропитывала его одежду, окрашивая ее в багровый цвет. Он шептал имя любимой, словно молитву, надеясь, что это всего лишь кошмар, от которого скоро проснется. Но реальность была жестокой и беспощадной. Айла, его свет и надежда, угасала на его руках.

Кровь адела на белоснежной скатерти, смешиваясь с остатками праздничного плова. Тишина, наступившая после стрельбы, давила. Лукман видел, как замирают последние искорки жизни в глазах Айлы, как ее тело обмякает на его руках.

В неконтролируемом потоке тысячи воплощений эхом отдавались слова Джафари о массовых захоронениях, о реках крови, о невинных жертвах. Она видела лица палачей, их равнодушные взгляды, их механические движения, лишённые всякой человечности. И понимала, что трагедия на мусульманском празднике — лишь маленькая капля в море страданий, разлившемся на земле Восточного Тимора.

Смерть Айлы обрушилась на Лукмана как удар. Он стоял над ее телом, крича до потери голоса. Рубен, Сицилия и Бернард смотрели на него со слезами на глазах — они потеряли подругу.

Лукман опустился на колени, зарылся лицом в ее волосы, вдыхая слабый запах жасмина, все еще сохранившийся в них. Боль пронзила его, выжигая все внутри, оставляя лишь пустоту.

Его плечи содрогались в беззвучных рыданиях. Еще одна невинная жизнь оборвалась в Восточном Тиморе, оставив после себя лишь боль и гнев.

Воспоминание расплывалось, укрываясь белой пеленой.

— Где мои родители?! — срывающимся голосом выкрикнула девушка, пытаясь удержать ускользающий образ.

Джакарта молила остановить этот бесконечный круг страданий. Горло сдавило от бессилия. Она знала: с родителями случилось что-то ужасное.

Пелена забвения окутывала прошлое, стирая детали. Но боль оставалась — острая, всепоглощающая. Джакарта чувствовала, как часть ее души умирает вместе с Айлой и родителями.

Она пыталась ухватиться за обрывки памяти: тепло маминых рук, строгий, но любящий взгляд отца. Ничего. Лишь белая пустота и нестерпимая боль утраты. Почему мир так жесток? Почему отнимает самое дорогое, оставляя лишь эхо трагедии?

Перед глазами ожили рисовые поля, залитые солнцем; смех детей у реки; запах специй из кухни... Все это казалось сном, далеким от ее нынешней реальности.

Джакарта закрыла глаза, пытаясь собрать осколки своей жизни. Ей нужно вспомнить. Осознать правду. Найти силы жить дальше, храня в сердце память о тех, кто навсегда изменил ее судьбу.

Но испытание продолжалось. Пора было вернуться к истокам.

Город Ликиса, 1980 год

Рождение Джакарты

Сицилия расположилась на узкой койке в обветшалом домике — он напоминал лазарет, пропитанный зловонием войны. В годы индонезийской оккупации Восточного Тимора женщины рожали без всякой медицинской помощи. Большинство людей тогда обходилось без нее.

— Бер, ты видишь? — позвала она.

Бернард подошел ближе, присел на край койки. Ткань платья едва скрывала округлившийся живот Сицилии. В его глазах смешались тревога и нежность. Он осторожно провел рукой по ее животу.

— Вижу, милая. Вижу нашу маленькую Джакарту.

Они выбрали имя задолго до ее рождения. Имя звучало вызовом в этой затхлой комнате — столицей врага, но одновременно символом будущего. Будущего без страха и насилия.

Сицилия улыбнулась сквозь усталость, опустив веки. Роды приближались, принося новую волну страха. Смогут ли они уберечь Джакарту, дать ей достойную жизнь в этом разоренном краю? Мысли теснились в голове, но любовь к малышке давала силы идти вперед.

Сицилия ощутила шевеление в животе и, повернувшись к Бернарду, прошептала:

— Ее время пришло! Я чувствую, как она торопится.

Бернард нежно поцеловал живот жены.

К ним уже спешила врач. Пожилая женщина с морщинистым лицом и добрыми глазами уверенно взяла дело в свои руки. Ее спокойный, уверенный голос успокаивал будущих родителей. Бернард поддерживал Сицилию, шептал слова любви и утешения, пока она сжимала его руку. Время словно остановилось. Звуки войны, доносившиеся издалека, только усиливали тревогу. Но в этом крошечном убежище, спрятанном от взрывов, зарождалась новая жизнь.

Наконец, раздался первый крик новорожденной. Джакарта появилась на свет.

Сицилия, обессиленная, но счастливая, прижала дочь к груди. Бернард со слезами на глазах смотрел на них, ощущая прилив невероятной любви и надежды. В это мгновение они почувствовали, что их борьба не напрасна. Новая жизнь — символ свободы и надежды — родилась вопреки тьме. Возможно, именно она станет новым началом в бесконечной борьбе за правду.

Глава 6. Луч надежды

Яви мощь свою миру — и мощь пребудет с тобой. В тени лишь трусы да пустобрехи.

Это же время, пляж Кристо-Рей

Отряд под предводительством Атона и сурового Рудо держал путь в порт. С ними шел Леонор — третий глава. Хотя никто из троих не подчинялся другому напрямую, решения чаще принимал Атон. Их объединяло правило, усвоенное за десять лет в военном посольстве: прежде всего — слышать друг друга.

Разлука сестер стала как гром среди ясного неба, и все пытались скрыть растерянность — и прежде всего, простые люди. Но воины и глава отряда были настроены иначе: в их взглядах читалось напряжение и невысказанные мысли.

Леонор двигался за Атоном, словно тень, бросая на него настороженные взгляды, в которых застыл невысказанный вопрос: «Неужели ты уверен в своем решении?»

Леонор, взяв Фабию под руку, попытался успокоить ее ровным, размеренным голосом:

— Не переживай. Вернемся — она будет ждать, как прежде.

Но эти слова только усилили бурю в ее душе.

— Она вам что, собака? Чтобы смирно сидеть и ждать?

Слезы обильно катились по щекам Фабии, и она не находила утешения. Слова Леонора казались пустым звуком, словно далекое эхо, не достигавшее ее сердца. Она чувствовала себя брошенной, преданной, будто мир разваливался на части.

Рудо, молча шагавший рядом, сохранял невозмутимость. Его лицо, всегда приветливое и открытое, теперь казалось непроницаемым. Он знал, что слова в такие моменты бессильны, и предпочитал просто быть рядом, подставить плечо, если понадобится. Рудо бегло посмотрел на своего белобрысого товарища. «Умеешь успокаивать», — словно говорил его взгляд.

Леонор лишь устало вздохнул и глухо добавил:

— Прости. Потерял выдержку.

Рудо пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги. Он понимал Леонора — и эту внезапную вспышку. Все они жили на грани. Каждый день творились ужасы, способные сломить даже самого стойкого. Иногда нужно было выпустить пар, иначе груз пережитого раздавит.

Они были воинами. Но иногда нужно было просто быть людьми.

Фабия всхлипнула, отворачиваясь от Леонора. Ей было стыдно за свою слабость, но сдерживать эмоции не получалось. Сердце разрывалось от боли и неизвестности. Фабия подумала: «Куда она могла деться? Почему никто не пытается ее успокоить?»

Рудо оценил обстановку и мягко коснулся плеча Фабии.

— Давай присядем, — тихо предложил он, указывая на поваленное дерево у обочины тропинки. — Так будет легче говорить.

Атон кивнул. Он понимал: ей нужно время, чтобы собраться с силами.

Леонор молча последовал за ними, чувствуя жгучий стыд. Он осознал, что наговорил глупостей. Его слова только ранили, а не лечили.

Он присел рядом, глядя в землю, и подумал: «Иногда лучше просто молчать и быть рядом. Потому что слов, способных исцелить, просто не существует».

Леонору оставалось только надеяться, что Рудо найдет нужные слова. «Если они вообще существуют», — горько добавил он в мыслях.

Фабия неохотно последовала за Рудо. Она шла, словно марионетка: он вел, она подчинялась. Присев на поваленное дерево, Фабия устала в землю, не глядя ни на кого. Слезы текли, оставляя соленые дорожки на грязных щеках.

Тишина давила. Каждый слышал стук собственного сердца. Каждый чувствовал вину и бессилие.

Колючая кора впивалась в кожу сквозь брюки, но Фабия не замечала этого. Слезы теперь текли тише.

Атон незаметно отступил в сторону, будто пытаясь раствориться в лесу. Он сознавал, что избегает смотреть на Фабию, и от этого тяжесть в груди лишь росла. Его взгляд скользил по деревьям, ища хоть что-то, за что можно зацепиться.

Рудо присел неподалеку, не нарушая ее уединения. Он не торопил, ждал, когда она сама решится заговорить.

Леонор сидел в стороне, ощущая себя лишним, и понимал: его слова лишь ранили. Теперь оставалось только смотреть, как Рудо ищет подход к Фабии.

Тот достал флягу и осторожно протянул ей.

— Глотни воды. Это поможет прийти в себя.

Фабия взяла флягу, сделала несколько глотков. Холодная вода прокатилась по горлу, на миг отвлекая от мрачных мыслей. Она протянула флягу обратно, кивнув с тихой признательностью.

— С ней все будет в порядке, — произнес Рудо. — Пусть поступила необдуманно, зато мы поймем: может ли она действовать одна.

Он не отрывал взгляда от Фабии, словно пытаясь разделить ее боль. Рудо знал: ей нужно время. Слова утешения сейчас были бы лишними — он просто оставался рядом.

— Она не понимает, что делает, — выдохнула Фабия. Голос дрожал, глаза вновь наполнились слезами. — Она всегда была упрямой, но чтобы вот так...

Рудо вздохнул, устремив взгляд на тропинку, теряющуюся в лесу. Как и судьба ее сестры...

— Упрямство — не всегда плохо, Фабия. Когда ищешь правду, оно порой выручает. Твоя сестра сильная, она справится. Но мы должны быть готовы ко всему. Вдруг она найдет что-то опасное для нашего дела... и решит утаить.

— Вы бросили ее на проклятом пляже. И теперь ждете, что она будет смирно сидеть на месте? Она сбежит — в первую же минуту! Потеряется... Мы никогда ее не найдем!

Голос надломился. Слезы полились, но Фабия осталась неподвижна.

— Вспомни детскую притчу, Фабия, — голос Атона стал холоднее. — Был мальчик, который не слушал старших. Ему говорили: «Не трогай огонь», а он трогал. Обжигался, плакал, но снова тянулся к пламени. Пока отец не лишил его права подходить к очагу. Только тогда мальчик понял: непослушание лишает даже малого. Так и здесь. Паула должна осознать цену своих поступков.

В тот же миг ладони Атона вспыхнули жаром. Вены под кожей озарились тусклым багрянцем, словно в них пульсировала расплавленная медь. Он не дрогнул. Лишь пальцы медленно сошлись, сдерживая пробудившуюся силу.

Фабия опустила голову, словно принимая неизбежное. Страх за сестру переплетался с тревогой за будущее их тайного общества. Она знала, на что та способна, когда дело касалось справедливости, и эта решимость одновременно восхищала и пугала Фабию.

— Хорошо, — тихо произнесла она, вытирая слезы тыльной стороной ладони. — Я постараюсь. Но мне страшно за нее. Она слишком доверчива, и ее легко обмануть.

Фабия опустила голову, глядя на тропу, где последний раз видела сестру. Атон не смотрел в ее сторону — его взгляд скользил по деревьям, выхватывая каждую тень. Чем быстрее они доберутся до порта и отплывут, тем меньше шансов, что их планы раскроют. Город дышал тяжело: каждый шорох, каждый мимолетный взгляд — будто натянутая струна.

Рудо улыбнулся Фабии — едва заметно, так, чтобы никто другой не увидел. Улыбка не была враждебной или самодовольной — в ней теплился тот самый луч надежды, которого так не хватало Фабии. Он слегка коснулся ее плеча — и они двинулись дальше.

Рудо, обычно словоохотливый и веселый, теперь шел молча. Он понимал: поспешный отъезд — не просто бегство. Они оставляют город без защиты в беспокойное время, и эта мысль грызла изнутри.

Пляж остался позади — теперь их окружали обрывистые холмы и густой тропический лес. Отряд двигался цепочкой, без слов, без жестов. Предводители держали строй: ни криков, ни отстающих.

Лес становился гуще. Сумрак обволакивал, а звуки тропиков — треск веток, шелест листвы, далекие крики птиц — сливались в тревожный гул. Каждый резкий звук заставлял идущих вздрагивать, хвататься за оружие. Они шли и шли: надежда толкала вперед, страх дышал в спину.

Настороженность воинов была на пределе. Со дня окончания Индонезийской оккупации прошел лишь год. Солдаты могли быть повсюду — за каждым деревом, в каждой тени.

Тропа вилась между гигантских папоротников и переплетенных лиан, будто проверяла: кто сдастся первым? Пот струился по лицам, смешиваясь с грязью, но никто не замедлял шаг. Дыхание стало тяжелым, рваным, но ритм оставался четким. Каждый потерянный миг — лиш- ний шанс быть обнаруженными.

Спустя несколько часов сквозь листву пробился первый блик моря. Сердца учащенно забились. Порт Дили!

Море придало сил — ноги сами пошли быстрее. Путники продрались сквозь последние заросли и вышли на узкую полосу пляжа. Перед ними, покачиваясь на волнах, стояла неболь- шая рыбацкая лодка — их единственный шанс. Но на берегу их ждали.

Индонезийцы. Стояли молча, будто знали, кто сейчас придет.

— Только этого не хватало! — прошептал Джафари, взволнованно оглядываясь и стара- ясь слиться с тенью джунглей.

Воины приготовились к атаке. Выхватив сурики^{30 30}, каждый выбрал свою цель. Джа- фари, заметив у Атона запасной клинок, приказал:

— Дай оружие.

Атон с мгновенной яростью в глазах прошипел:

— Не глупи. Спрячься с остальными. Мы с ними разберемся.

Его глаза выражали переживание за товарища. Он не хотел подвергать его опасности, особенно сейчас, когда они совсем недавно нашли друг друга. Джафари лишь усмехнулся в ответ; в его голосе звучало упрямство, граничащее с безумием:

— Еще чего!

Джафари не был воином, но в глубине его души таились забытые навыки, вспыхнувшие сейчас, словно искры из пепла. Рудо оценил его храбрость, вставая впереди него и стремясь защитить неопытного бойца.

Три влиятельных главаря Восточного Тимора шагнули вперед, чтобы противники их заметили. Рудо, стоя посередине, привлек их внимание громогласным окриком. Он вскинул мачете, демонстрируя решимость.

— Всем держаться подальше, в укрытие! — проревел Рудо, и его голос эхом разнесся над пляжем.

Поначалу толпа взволновалась, но не прошло и пяти секунд, как двое ближайших про- тивников рухнули на песок, окрасив его в бордово-красный оттенок.

^{30 30} Сурик (в контексте данного произведения) — традиционное клинковое оружие, распространенное среди воору- женных формирований Восточного Тимора. Имеет короткий или средний клинок с односторонней заточкой и эргономичную рукоять для одноручного хвата. Оптимизирован для скоротечного ближнего боя в тесненных условиях (городская застройка, джунгли). В реальном мире термин «сурик» обозначает минеральные краски (свинцовый/железный сурик) и не связан с ору- жием.

Рудо кружил в бою, словно вихрь. Его мачете рассекало воздух с глухим свистом, оставляя кровавый след.

Атон двигался бесшумно. Каждое его движение было расчетливым, как у хищника перед броском. Сурик в его руке мелькал молнией, находя слабые места в обороне врагов.

Секунда тишины — и взгляд Атона метнулся от товарища к врагам. Затем воздух разорвал его яростный выкрик:

— Проклятье!

И в то же мгновение, резким рывком извлекая клинок из ножен, он метнул оружие Джафари. Тот молниеносно схватил клинок, обратив его смертоносную сталь против напирающих врагов.

Бой бушевал, словно шторм. Крики раненых, лязг металла, свист пуль — все слилось в оглушительный гул. Но три лидера Восточного Тимора держались плечом к плечу, не поддаваясь хаосу и внушая своим людям уверенность и волю к победе. И несмотря на численное превосходство врага, чаша весов постепенно склонялась в их сторону. Джафари тем временем сразил более пяти противников.

Он чувствовал, что обязан вмешаться. Судьба дала двум старым друзьям шанс вновь быть рядом. Они так толком и не поговорили, но обстановка ясно дала понять: это произойдет нескоро. И в преддверии этого момента Джафари делал все возможное: помогал и поддерживал Атона, прикрывал отряд, вставал на защиту своей второй родины. Он был борцом за правду. Найти таких людей в послевоенную эпоху было большой редкостью. Слишком много законов было нарушено, слишком многие границы перейдены, чтобы говорить о справедливости. Эпоха беззакония и произвола породила дефицит честности и порядочности.

Он помнил, как его учили смотреть сквозь ложь и различать полутона правды. Это умение помогало ему выживать в мире, где ложь стала нормой. Джафари знал, что его путь будет нелегким, но он был готов к любым испытаниям. Ведь на кону стояло не только его личное благополучие, но и судьба его народа.

Джафари никогда не проявлял излишних эмоций. Он всегда действовал с холодным сердцем. Любая эмоция — преграда для взвешенного решения. И он противостоял этому, храня надежду на лучшее. Руки наносили удары, тело двигалось в бою, но решения принимал только он парень с доброй душой и ледяным взглядом.

Вот таким столпом был Джафари Эль-Шами среди творящегося вокруг хаоса.

Но даже самый стойкий дух иногда нуждается в подпитке. Джафари черпал ее в воспоминаниях о доме, о тех немногих, кто остался верен своим идеалам. Он вспоминал тихие вечера в кругу семьи, мудрые наставления отца, песни покойной матери — полные надежды и веры, — поддержку дяди, которой так не доставало в последнее время. Эти воспоминания были якорем, удерживавшим его от отчаяния в бушующем море несправедливости.

Он понимал: для победы над хаосом недостаточно одного лишь меча и холодного разума. Нужна искра, способная зажечь сердца людей, вдохновить их на борьбу за справедливость. И эту искру он видел в Атоне — в его неугасимом стремлении к правде, в готовности пожертвовать собой ради общего блага.

Бой длился недолго. Три предводителя, словно виртуозные дирижеры, в считанные минуты подавили сопротивление, превратив его в кровавую бойню. Багряные брызги лишь слегка окропили их одежды.

— Оккупация, значит, еще не окончена? — гневно произнес Атон, цедя слова сквозь зубы.

Морщинки гнева прорезали его обычно невозмутимое лицо. Атон, стратег до мозга костей, не терпел задержек. Победа должна быть молниеносной, как удар клинка. Замедление рождало подозрения, ставило вопросы, на которые он не желал отвечать.

Джафари молча наблюдал за яростью Атона. Он понимал этот гнев, но знал: сейчас важнее всего хладнокровие.

— Оккупация не закончится, пока мы не вырвем ее с корнем, — тихо ответил Эль-Шами, не проявляя ни единой эмоции.

— И как ты предлагаешь это сделать, Джафари? Мы всего лишь горстка повстанцев против огромной армии захватчиков, — с сомнением произнес Рудо, опустив голову.

Джафари не слышал Рудо. Его взгляд был прикован к берегу. Лодки отчаливали одна за другой, растворяясь в лазурной дали, словно капли, потерявшиеся в океане. Вслед им летели молитвы и благословения, шепот ветра и крики чаек. Каждый уплывающий уносил частицу души Восточного Тимора, надеясь найти новый дом, новую жизнь, новое счастье за горизонтом.

Рудо, видя его отрешенность, не стал настаивать — вопрос повис в воздухе.

Члены отряда двух главарей все это время скрывались за небольшими деревьями по разные стороны от берега. Фабия с ужасом наблюдала за происходящим и готова была поклясться: горше^{31 31} всего она сожалела о дерзком побеге с сестрой.

Мужчина, прятаясь с ней рядом, опустил взгляд на ее испуганное лицо и с нескрываемым восторгом произнес:

— Они знают, что делают. Поверьте. Будь моя воля, я бы встал четвертым в их ряды.

Его слова вызвали у Фабии мимолетную улыбку — но та растаяла среди окружающего хаоса. Легкий ветер шевельнул ее каштановые волосы. Невесомо поправив их, Фабия без разрешения главара вышла на берег.

— Куда вы? — хрипло окликнул мужчина, чьи слова мгновение назад заставили ее улыбнуться.

Фабия сделала вид, что не слышит. Однако ее поступок заметили воины. В этот момент она напоминала сестру — такая же непослушная, рискованная. Ее действия могли вызвать гнев Атона, а от его решения зависело, оставят ли ее в отряде. И все же она поддалась внутреннему порыву.

На ее лице еще виднелись следы слез — свидетельство страха перед главарем и остальными окружающими. Тела мертвых индонезийцев не пугали ее: она родилась в год начала оккупации и давно привыкла к войне. Но страх не исчезал — сколько бы она ни пыталась с ним примириться.

«Как и сестра — безрассудная, упрямая», — с презрением подумал Атон.

— Ты хотела увидеть, что мы творим? — прорычал он, и в его голосе звенела ярость. — Что ж, наслаждайся зрелищем.

Атон обернулся к Джафари и посмотрел на оружие, которое тот держал в руках. Тишина сгустилась. Каждый ждал, что скажет Атон. Война — это не только физическая сила, но и психологическая игра. Каждый жест, каждое слово могли изменить ход событий.

— Кидай сюда, — приказал Атон, и слова его прозвучали, как удары молота по наковальне. Он ждал, что Джафари подчинится, осознает серьезность ситуации.

— Что ты удумал? — с недоумением спросил тот, не понимая, к чему все идет. В глазах его читались страх и растерянность, но вместе с тем он ощущал давящую силу, исходившую от Атона.

— Кидай оружие, Джафари! — снова скомандовал Атон. Терпение его лопнуло. В этот момент стало ясно: на кону стояло нечто большее, чем просто оружие. Это была борьба за выживание, за надежду в этом безумии.

Джафари ловко передал ему клинок.

^{31 31} Горше в данном контексте означает «больше всего», или «сильнее всего».

Диас со звериной ухмылкой подошел к телу одного из павших индонезийцев. Все устались на главаря — в глазах читалось непонимание. Рудо нахмурился, пытаясь разгадать мотивы товарища. Леонорор лишь крепче сжал эфес^{32 32} своего клинка.

Атон, словно дикий зверь, почуявший кровь, навис над поверженным врагом. Взгляд его, острый как лезвие, скользнул по фигуре девушки — и кривая усмешка тронула губы. Словно подтверждая что-то, он опустил глаза на мертвеца, хмыкнул и вонзил нож в бездыханное тело.

Багровая кровь хлынула, окрасив мундир воина. Клинок взмывал и опускался, превращая тело индонезийца в кровавое месиво. С каждым ударом лицо Атона все сильнее перекашивалось в безумной ярости. Глаза горели нездоровым огнем, словно угли адского костра. Он вонзал сталь в плоть, будто пытался вырвать из мертвого тела последние остатки жизни.

Издав утробный рык, Атон отбросил нож в сторону. Руки по локоть в крови дрожали от возбуждения. Презрительно сплюнув на изуродованное тело, он грубо пнул тело ногой.

У девушки помутнело в глазах. Голова слегка закружилась от увиденного. Кровь была повсюду, и даже свежий воздух не мог заглушить запах войны, запах железа. В горле Фабии застрял крик. Она понимала: если издаст хоть малейший звук, станет следующей. Страх сковал тело, лишив ее возможности двигаться. Она была лишь наблюдателем в этом кошмарном спектакле, пленницей собственных мыслей и ужаса.

Атон тяжело выдохнул. Он окинул взглядом поле боя, усеянное трупами, оценивая содеянное. Удовлетворение, смешанное с безумием, отражалось в его глазах. Он упивался властью — возможностью решать, кто живет, а кто умирает.

Его напарники смотрели на это без капли удивления. За годы работы они привыкли: слова здесь ничего не значат.

Внезапно Атон обернулся, и взгляд его упал на то место, где пряталась Фабия. Девушка замерла. Она осознала, что ее обнаружили. Мужчина медленно направился к ней, и в каждом шаге чувствовалась угроза. Фабия понимала: бежать бессмысленно. Она была в его власти, и судьба ее предрешена. В глазах застыл вопрос: что ждет ее впереди?

Атон схватил Фабию за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

— Запомни этот день, девчонка, — прошипел он. — И помни: неповиновение всегда влечет за собой последствия.

Рудо, стоя в тени, спокойно наблюдал за этой сценой. Лицо его было лишено эмоций. Он ощущал пронизывающий холод, пока слезы Фабии, как капли горькой росы, стекали по ее щекам. Эти слезы подлили масла в огонь его ярости.

Все началось с ее сестры, которая с назойливой настойчивостью предлагала безумную идею. Теперь и Фабия, некогда умолявшая ту замолчать, оказалась в центре конфликта. Сестры Ридван не ведали меры. Необдуманные поступки поставили их на грань гибели. Атон не мог позволить себе слабость. Он знал: в этом мире ошибки стоят дорого. И потому был готов действовать жестко.

Фабия понимала, что сама попала в ловушку. Но когда ее взгляд встретился со взглядом Атона, в глазах вспыхнула искорка непокорности. Она не собиралась сдаваться. Внутри нее разгорелось пламя, способное изменить ход событий. Однако Атон, заикленный на своем контроле, не собирался этого допустить. Он был решителен и знал: его власть должна оставаться нерушимой, а страх — главным инструментом управления.

Рудо сошел со своего места и быстрыми шагами нагнал Атона. Грубо схватив напарника за плечо, он прорычал:

— Атон, перебор!

^{32 32} Эфес (от нем. Gefäß или франц. effet) — рукоять клинкового оружия (меча, шпаги, сабли, кинжала), включающая навершие, гарду/перекрестье и черен. Служит для удержания, управления и частичной защиты руки.

Диас отшатнулся от девушки и рассмеялся, услышав слова Рудо. В его смехе звучало презрение. Он не понимал, что происходит, не осознавал всей серьезности ситуации. Каждый стоял на грани. Воздух сгустился от напряжения.

Рудо предупреждал не только из-за дружеской симпатии, но еще и потому, что знал: чрезмерная жестокость может обернуться против них.

Взгляды Рудо и Фабии на мгновение встретились, в них читалось нарастающее напряжение. Слезы размазали тушь, оставив темные следы на ее лице. Губы дрожали, и она так хотела произнести вслух слова, способные все изменить. Но страх и безысходность сковали голос.

«Защитите меня...» — этот шепот звенел в ее душе.

Рудо взглянул на нее с сожалением. Вокруг царил хаос. Взгляды остальных членов группы — полные осуждения и равнодушия, — были прикованы к ней. Каждый шаг, каждое движение казались ей опасными. Но в глубине души она надеялась: еще не все потеряно.

Атон хищно улыбнулся и направился к Джафари, словно желая укрыться от этого фарса.

Рудо обратил взор вдаль, к острову. Он искал ответы на вопросы, о которых отряд даже не догадывался. Но время шло, медлить было нельзя.

Две массивные шлюпки вытянулись вдоль берега Тимора. Из-за сильного ветра они слегка покачивались, их внушительные очертания заставляли сердце сжиматься. Шум воды и скрип причалов звенел в ушах, вырывая из кокона тревожных мыслей.

Тишина давила, пока Рудо, наконец, не скомандовал:

— Враги повержены. Пора отплывать!

Фабия все это время не сводила с него глаз. В ее взгляде читалась мольба о помощи, но холодный разум напоминал: воины не склонны к сочувствию.

Но вопреки внутренним убеждениям Рудо, сердце его дрогнуло. Он бросил на нее короткий взгляд и тут же обратился к Атону — так, чтобы слышал только он:

— Прекращай этот балаган. У нас есть дела поважнее.

Атон злобно улыбнулся:

— Продолжай жалеть тех, кто этого не стоит, — и конца этому не будет.

Рудо отвернулся, стараясь не выдать раздражения. Он понимал внутреннюю борьбу Фабии, но знал: нельзя поддаваться эмоциям. Миссия была важнее спасения нескольких человек.

Он взглянул на горизонт — там уже светало. Время поджимало. Предводители отрядов направились к причалу. Пока Атон получал жетон на лодку, остальные исподволь решали, как разделятся. Если бы Паула предложила свою идею сейчас, все могло сложиться иначе.

Рудо заметил, как отстраненно Джафари пинает камни у берега. Элиаш неловко улыбался, будто искал повод для искренней улыбки. Фабия, отрешенная от реальности, смотрела вдаль — туда, где, казалось, все проблемы могли раствориться, уступая место новым возможностям. Каждый был погружен в мысли, тревожные и полные надежд.

Сам Рудо не испытывал ничего, кроме сосредоточенности на миссии. За годы оккупации он очерствел: все, что требовало тонкой душевной работы, стало ему чуждо. Он видел слишком много преступлений и борьбы за власть. Единственное, что волновало его сейчас, — безопасность отряда.

В его сердце не осталось места для любви, для сострадания, для чужих бед. Порой он чувствовал себя маленьким беззащитным ребенком, которого бросили родители. И сейчас, в глубине души, он ощущал себя малышом — но взрослым, умеющим защищаться.

Если что-то и могло изменить его — только настоящая любовь, не требующая ничего взамен. Ведь именно он стал преградой для двух влюбленных, мечтавших о семье.

Рудо не мог оправдать жестокости Атона по отношению к Фабии — потому что и сам не знал, как к этому относиться.

Он не знал любви. Звание воина отучило его даже думать о слабости. У него не было масок, он не притворялся — Рудо попросту не понимал этого чувства и, пожалуй, даже отторгал его, не сознавая, как сильно желает его обрести.

Возможно, в Фабии он видел то, чего не хватало воину. Девушка невольно оказывалась рядом, пытаясь привлечь его внимание, словно ребенок, оставшийся без семьи и ищущий тепла.

Родители сестер Ридван трудились на ферме. Прокормить семью было непросто — на ласку и заботу времени почти не оставалось. Работы было с избытком, а на любовь к детям сил не хватало. На младшей Пауле, возможно, это не отразилось сильно, но старшая сестра несла груз ответственности. Фабия не знала никого ближе сестры — и все же лишилась ее. Лишь Рудо оставался для нее опорой в окружающей тьме.

Может быть, они должны исцелить друг друга? Показать, насколько любовь весома и как она меняет людей? Каково это — жить, не зная самого главного чувства? Но это было лишь начало пути — к встрече со своими страхами и оковами прошлого.

Атон вернулся быстро. В руках у него был не один, а два жетона. Рудо понял: отряд не поместится на одной лодке. Атон многозначительно кивнул и обратился к отряду, хитро улыбнувшись:

— Нам нужно разделиться.

Посмотрев вдаль, он ненадолго задумался. Рудо укоризненно взглянул на него: Атон не успокоится, пока не воспримет слова девушки на свой счет, — ведь она настаивала на разделении отряда, а он был категорически против. Диас любил хитрить.

Атон занял место у двух судов и объявил:

— Одна группа — на белом судне. Вторая — все остальные, включая Рудо и меня.

Не оборачиваясь, он направился к выбранному судну. Отряд без промедления подчинился.

Фабия выглядела еще испуганнее, чем прежде. Потупив взгляд на песок, она нервно переступала с ноги на ногу. Она до сих пор не могла привыкнуть к окружающей обстановке — особенно без сестры, неизвестно где находившейся сейчас.

Вдруг Фабия ощутила почти невесомое касание на пояснице. Это был Рудо. Он заметил ее смятение и, тихонько подойдя, осторожно подтолкнул вперед, чтобы не испугать еще больше. Она обернулась, и их взгляды в третий раз встретились.

В последнее мгновение их ладони соприкоснулись: Рудо помог девушке подняться по трапу, и Фабия без колебаний вложила свою руку в его, ища защиты у надежного воина.

Когда все заняли свои места, хозяин порта дал команду отчаливать. Атон мгновенно взял весла и уверенно повел лодку. Две шлюпки плавно отошли от берега. Вода Тиморского моря была спокойной, лишь легкая рябь играла солнечными бликами. Атон направил лодку к горизонту, где вырисовывались очертания острова Кристо Рей, а Рудо следовал за ним.

Весла ритмично рассекали бирюзовую гладь, оставляя белые буруны. Лодки двигались синхронно, как танцующие партнеры. Члены отряда, сидя на банках, любовались пейзажем. Вокруг плавали яркие рыбы, а вдали мелькали игривые дельфины.

Джафари наблюдал за Атоном, который сосредоточенно греб, чувствуя ответственность за спутников. В его движениях читался опыт морехода. Леонорор, возглавлявший вторую шлюпку, умело следовал за ним.

Джафари смотрел на старого друга — Атон был поглощен делом, погружая весла в воды Тиморского моря. Фабия нервно оправляла платье, пытаясь найти смысл в происходящем. Элиаш то и дело бросал взгляды на Рудо, надеясь заручиться его поддержкой, но его наивная хитрость не могла обмануть опытных воинов. Он оставался пешкой в их игре, хотя наглость простого торговца порой удивляла.

Джафари посмотрел на Рудо — казалось, тот тоже искал взгляда Джафари. Для Рудо он оставался загадкой, и воин с нетерпением ждал возможности узнать его поближе. Но Джафари сам решился завязать разговор.

— Как твоя фамилия? — спросил он, не отрывая взгляда.

— У меня нет фамилии, — с горечью в голосе ответил Рудо, будто вопрос задел за живое. Его печальный взгляд скользнул по лицу собеседника.

Он скривил губы в горькой усмешке.

— Родители отреклись от меня в день моего рождения. Я рос среди посторонних детей, а потом меня взяла к себе соседка. Но и она однажды указала мне на дверь, сказав, что пора учиться жить самостоятельно.

Джафари нахмурился.

— Ты отказался от фамилии?

— Да. От всего, что связывало меня с семьей, с прошлым, от которого я бежал без оглядки.

Фабия, до этого молча наблюдавшая за мужчинами, вдруг вмешалась:

— А твое имя?..

Рудо встретил ее взгляд, будто прочел невысказанный вопрос.

— Так меня назвал старик, когда я лежал больной и обессиленный в заброшенной хижине. Не знаю, какое имя дали мне при рождении, — если вообще давали.

Атон повернул голову.

— Больной и обессиленный? Ты мне этого не рассказывал.

Рудо рассмеялся.

— Мать родила меня крепким младенцем — почти три килограмма. Но я все равно был крошечным комочком беспомощности, и выжить мне удалось едва ли не чудом.

Он прикрыл глаза, словно вновь переживая тот далекий эпизод.

— Жизнь вообще не слишком часто дает шансы, Атон. Но иногда находится кто-то, кто готов их предоставить. — Рудо снова посмотрел на Фабию и Джафари, в его взгляде мелькнул вызов.

Атон наклонился к Рудо, сидевшему в лодке, и положил руку ему на плечо:

— Почему ты не рассказал мне раньше?

Рудо тепло улыбнулся:

— Не хотел обременять, у тебя своих забот хватает.

— И почему ты решил стать воином? — с любопытством спросил Джафари.

— Чтобы показать, как тяжел груз ответственности, — ответил Рудо с горькой гордостью.

Повисла пауза, тягучая, словно туман. Фабия, погруженная в мысли, подняла голову и посмотрела на Рудо с сочувствием. Она понимала: он выбрал стать воином не из-за жажды славы, а в попытке доказать свою ценность, заполнить пустоту прошлого.

Джафари кивнул, осознавая: перед ним человек, выковавший себя самостоятельно. Лодка скользила по воде, унося их к новым испытаниям. Впереди ждали трудности, но теперь они знали: вместе справятся.

Это был второй поход Джафари к злосчастному острову, теперь уже осознанный. В мыслях крутились три имени: Рубен, Атон, Джакарта. Остров окутала загадка, как и судьбы близких. Джакарта оставалась для него тайной, новым чувством. Он думал о дяде, которого не видел два года, о родителях, объявивших его пропавшим. Рауль корил себя за равнодушие к брату, а Джафари был свидетелем этой боли. Крики родителей, плач матери, ушедшей год назад, — все сливалось в бесконечное проклятие.

Много негативных событий произошло в жизни Джафари за последние три года. Восточный Тимор стал для него настоящей святыней — местом, где можно найти не только ответ на желанный вопрос, но и путь, который приведет к пониманию взаимосвязей событий.

Джафари родился в Сальте — живописном городе на северо-западе Аргентины, расположенном в долине Лерма у восточного подножия Анд на высоте 1 187 метров над уровнем моря. Этот древний город, ставший столицей одноименной провинции, хранит в себе богатое наследие креольской культуры.

Его отец, Рауль, происходил из старинного аргентинского рода с креольскими корнями. Получив образование в престижной иезуитской школе, он сохранил тесную связь с традициями своей страны.

Мать, Луиза, — русская эмигрантка, чья семья нашла убежище в Аргентине после революции. С ранних лет она приобщала сына к православию: крестила его, водила в храм, читала Евангелие, учила молитвам.

В их доме всегда царила особая атмосфера: по утрам пили горячий мате, по выходным собирались за большим столом, где аппетитно пахло жареным мясом, а в праздники звучала задумчивая аргентинская музыка. Семейные вечера часто сопровождались танцами под ритмы танго, а разговоры велись на смеси испанского и русского языков.

Для Джафари вера стала неотъемлемой частью жизни, как и другие семейные традиции. Он не помнил времени, когда не знал молитв, не переступал порога церкви, не слышал звонких переливов местных мелодий или не пробовал ароматной эмпанады.

В семье сложился тихий диалог культур. Отец уважал традиции жены: креольские обычаи — вроде глубокого уважения к старшим — мирно соседствовали с православными обрядами. Джафари рос на пересечении двух миров: в храме он чувствовал себя русским, дома — аргентинцем. Но именно православие стало для него островом стабильности, якорем, удерживающим посреди бурь судьбы.

Переезд стал для Джафари разрывом с привычной жизнью. Он оставил друзей, любимый храм, работу в книжном магазине, где часами разговаривал с путешественниками о литературе и вере. В Восточном Тиморе семья пыталась обрести покой, но судьба распорядилась иначе.

Сначала мать Джафари тяжело заболела. Недели тянулись за неделями, а ее состояние только ухудшалось. Джафари проводил бессонные ночи у ее постели, держа за руку и вспоминая воскресные утра в храме, когда она пела в хоре. Уход матери стал для него первым страшным ударом.

Ее вера, некогда незыблемая, стала последней нитью, связывавшей Джафари с ней. Он не спрашивал: «Есть ли Бог?» — его терзал другой вопрос: «Как верить, если самое дорогое у меня отняли?»

Вскоре случилась новая беда: Рубен, брат отца, пропал без вести. Он уехал в соседнюю провинцию по делам — и не вернулся. Ни следа, ни весточки — будто земля поглотила его.

Для Рауля это стало тяжким испытанием: он корил себя за то, что не смог уберечь брата, и все чаще замыкался в молчании.

Мысли унесли Джафари в 1995 год — в Сальту, город его детства, куда он тайно вернулся. Без денег, без плана — лишь движимый потребностью окунуться в знакомое, он оказался в районе, о котором говорили шепотом.

Это место жило по своим законам: с наступлением темноты улицы наполнялись музыкой, сигаретным дымом и назойливыми зазываниями у дверей.

Сальта, Аргентина, 1995 год

Ровно два года прошло с того дня, как Джафари и Атон попрощались в порту солнечной столицы. Восточный Тимор казался Джафари скромным и спокойным местом — и в то же время кровавым краем, где следы индонезийской оккупации ощущались повсюду, словно невидимая угроза, притаившаяся за каждым углом.

Джафари помнил, как впервые зашел в один из баров. Тусклый свет неоновых ламп. Запах дешевого алкоголя и пота, громкая музыка, от которой кровь пульсировала в висках. За стойкой сидели девушки — улыбчивые, но с пустыми глазами. Они подсаживались к посети-

телям, шептали на ухо что-то едва различимое, предлагали коктейли. Это выглядело игрой, но правила все знали без слов.

Он был юн и неопытен — ему казалось, что здесь, среди мишуры и фальшивой заботы, он, наконец, почувствует себя живым. Помнил липкий пот на ладонях, узкие переулки, где тени казались живыми, и стук сердца, заглушавший шум города. В те моменты он не думал о последствиях. Только о мимолетном тепле чужого тела, о возможности на час стать кем-то другим.

Здесь не было места чувствам. Только сделки, маски, иллюзия близости. Но для двадцатидвухлетнего Джафари, еще не знавшего глубины своей боли, это казалось спасением.

Он смотрел на вереницу бутылок за стойкой — ряды разноцветных стеклянных колонн, каждая из которых обещала забвение разной крепости и вкуса. Мысли текли медленно, как сироп. Ни желаний, ни целей, ни даже раздражения. Когда бармен, худощавый мужчина с усталыми глазами, склонился к нему с дежурным вопросом, Джафари лишь вяло махнул рукой — наливай что угодно. Ему было плевать — все равно.

Бармен не стал настаивать. Через минуту перед Джафари появился стакан с янтарной жидкостью и бутылка — камбоджийский виски «Баросо». Стекло было прохладным на ощупь, этикетка — слегка потрепанной, словно бутылку уже не раз брали в руки в поисках утешения. Джафари пригубил: вкус оказался терпким, с легкой горчинкой, без противного жжения.

Он поставил стакан. Повинуясь внезапному импульсу, кивнул на бутылку:

— Можно взглянуть?

Бармен безразлично пожал плечами и выставил бутылку на стойку. Джафари взял ее, повертел в руках. На этикетке — темный мужской силуэт, черты лица размыты, словно намеренно скрыты. Кто он? Солдат? Торговец? Призрак прошлого? В его позе было что-то напряженное, будто он замер на пороге между светом и тенью.

«Загадка, — подумал Джафари и тут же усмехнулся про себя: — Прямо как я сейчас...»

Этот незнакомец на этикетке, этот безмянный силуэт и сам Джафари — они оба прятались. Один — за тушью и бумагой, другой — за стаканом виски и фальшивой улыбкой.

Он помнил об Атоне даже в эти самые черные мгновения своей жизни. Вспоминал его смех, дерзкие шутки, способность видеть свет там, где другие замечали лишь тьму. Джафари про себя усмехнулся, одновременно подмигивая девчонкам, которые снова начали к нему приставаться.

«Диас, такое зрелище пропускаешь... Как мне не хватает тебя, друг мой», — думал он.

В глубине души Джафари допускал мысль о том, что, возможно, Атона уже нет в живых. Тот не раз говорил про службу в Восточном Тиморе, про то, как мечтал быть воином, защищать слабых, идти вперед, несмотря ни на что. Теперь Джафари гадал: где он? Жив ли? Или тоже растворился в этом хаосе, как дым от сигарет, тающий в ночном воздухе Сальты?

Джафари снова поднял стакан. Виски обжег горло, но не принес ни тепла, ни ясности. Он поставил бутылку обратно, скользнув пальцем по силуэту на этикетке.

— Прямо как я сейчас... — прошептал он, и слова растворились в грохоте музыки.

Позже, оглядываясь назад, Джафари понимал: те ночи не залечили раны, а лишь временно приглушили боль от них, как опиум. Это место стало для него символом порочного круга — местом, где можно потерять себя, но никогда не найти утешения. И все же именно там, среди фальшивого блеска и дешевых страстей, он впервые осознал, что бегство от боли — это тоже боль. А юность, брошенная в топку мимолетных удовольствий, не возвращается.

Когда намеченным планам удалось сбыться, он покинул бар. Последний раз взглянув на его вывеску, где каждая буква, набитая строителями, еле поблескивала в ночном свете: Rooftop Lounge at Sun & Moon³³.

^{33 33} Rooftop Lounge at Sun & Moon — «Лаунж на крыше отеля „Солнце и Луна“» (англ.).

Он шел по живописному бульвару Сальты, вдыхая прохладный воздух города, который издавна величали «жемчужиной северо-запада Аргентины» за его старинную архитектуру и уютные аллеи. Теперь город мерцал неоном, но в сумеречном свете еще угадывалась прежняя красота.

Но вдруг, обессилев, Джафари сел прямо на тротуар, облокотившись о кирпичный забор, что тянулся вдоль бара. Холодный камень под ладонью лишь подчеркивал, как мелко дрожат пальцы. Город шумел вокруг, но для него все стихло — остались только тяжесть в груди и тусклый свет неоновой вывески, мерцавшей где-то над головой.

Только Джафари стал прикрывать веки, как неподалеку раздался стук каблуков. В тусклом свете фонарей профиль растворялся в сумраке, но он узнал ее по походке — чуть замедленной, с едва заметной неловкостью. И по смеху — тому самому, что еще час назад звучал у него за плечом, когда их тела сливались в жарком полумраке бара. Он до сих пор чувствовал на коже призрачное прикосновение ее пальцев, будто она не отнимала руки даже сейчас.

Сначала ее силуэт скользил мимо, удаляясь по дороге, но девушка, для которой ночь была рабочим временем, неожиданно замедлила шаг и повернулась к нему.

Перед Джафари снова стояла она. На этот раз — в одежде. Просто в одежде, без намека на ту игру в раздевание, что разворачивалась в заведении с недвусмысленной репутацией.

Ее руки плавно сошлись, взгляд скользнул по его лицу — и вот уже подмигивание, легкое, почти неуловимое.

— Приходи сюда почаще.

Он рассмеялся — звук вышел мягким, лишенным всякого тепла. Пальцы скользнули по ткани штанов, стряхивая что-то невидимое — жест, который сказал все за него. Взгляд не осуждал, но и не приглашал к продолжению. Он молчал, пока внутри выстраивалась фраза, способная вместить все, что он чувствовал:

— Прощай, Руби, — голос был спокоен, как поверхность озера перед бурей.

Мама Джафари учила его хладнокровию и умению проявлять рассудительность. И он смог стать таким — весь в мать. Это было подарком свыше — быть таким человеком, обладать такими качествами. Пример матери много дал ему, и он этого никогда не забудет. Ради себя и ради любимой мамы Луизы.

Джафари знал, что каждое приближение к разгадке стоит ему частички души. Но выбора не было. Он должен был узнать, что случилось с Рубеном, искупить вину перед Атоном и, главное, понять, какое место в этой зловещей головоломке занимает Джакарта.

Родной дом — место, где всегда тебя будут любить и ждать. Семья — это заветная мечта каждого, кто однажды обрел возможность не просто существовать, но и по-настоящему жить.

Пляж на острове Атауро, 1990 год

На закате, когда солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в яркие оттенки оранжевого и пурпурного, три всадника мчались по поверхности озера. Их лошади, словно живые стрелы, с легкостью пробивали водную гладь, оставляя за собой брызги, что сверкали в лучах заходящего солнца. Силуэты всадников сливались в единое целое, создавая впечатление, что они часть этого волшебного пейзажа.

Рауль с улыбкой на лице вел свою лошадь вперед, чувствуя, как ветер играет с его волосами. Рядом с ним скакал его пятнадцатилетний сын Джафари, полный восторга и радости; его смех разносился над водной поверхностью, как музыка.

Вид воды, освещенной золотым светом заката, создавал атмосферу спокойствия и безмятежности. Вокруг поднимались брызги, из них возникала радуга, а закатное солнце освещало лица, придавая этому моменту особую магию.

Рубен, до этого молчавший и наблюдавший за братом и племянником, подал голос, обращаясь к Джафари:

— Теперь не страшно?

Тот, резво скакавший на лошади, помотал головой, весело бросил поводья и прокричал:

— Бояться нечего!

Рауль чувствовал, как его сердце наполняется гордостью за сына, который с каждым скачком становится все более уверенным.

«Он действительно стал смелее», — подумал Рауль, наблюдая за тем, как Джафари, словно одержимый, мчится вперед, оставляя за собой лишь всплески воды и радостный смех. В этот момент он осознал, что его сын не просто преодолевает страх, но и открывает для себя мир, полный приключений и возможностей. Каждый скачок лошади, каждое движение — это шаг к взрослой жизни, где смелость и уверенность станут его верными спутниками.

Рауль вспомнил, как сам в детстве мечтал о таких мгновениях, как его собственный отец учил его верховой езде, как они вместе мчались по полям и как ветер шептал ему на ухо о свободе и бескрайних горизонтах. Теперь он передавал эти традиции своему сыну, и это наполняло его душу теплом и радостью.

Однако пока отец радовался, старший брат окликнул его:

— Он на адреналине может с легкостью упасть, смотри за ним.

Рауль лишь проворчал:

— Ничего не будет, успокойся. Хоть здесь давай расслабимся, Рубен.

— Дядя, папа прав. Нужно полностью отдаться моменту! — с этими словами Джафари откинулся назад, оставляя пару сантиметров между седлом и спиной, чтобы не упасть.

Рауль сделал ему замечание, а Рубен тем временем подытожил, закатив глаза:

— Сумасшедшие.

— Зато счастливые, — радостно прокричал Джафари.

Ветер крепчал, закат переходил в более глубокие оттенки красного и фиолетового. Вода, отражая это великолепие, превращалась в живое полотно. Лошади, чувствуя приближение темноты, слегка ускорили бег, их мощные ноги рассекали водную гладь с уверенностью и грацией. Джафари, не унимая своего восторга, то и дело поглядывал на дядю, словно желая разделить с ним свою радость.

Рубен, несмотря на свои опасения, чувствовал, как волнение племянника передается и ему. Легкая улыбка тронула его губы. Рауль, чувствуя настроение брата, ободряюще кивнул. Он знал, что Рубену нужно время, чтобы освоиться с этой стихией, с этой свободой.

Солнце продолжало опускаться, и его последние лучи, словно золотые нити, переплетались с зеркальной поверхностью озера, создавая волшебный свет. Рауль вспомнил, как его отец всегда говорил, что природа — лучший учитель. И сейчас, глядя на Джафари, понимал, что это правда. Вода, ветер и лошади учили его сына не только верховой езде, но и тому, как быть смелым, как принимать вызовы и как наслаждаться каждым мгновением жизни.

Глава 5. Врата святого

Пляска песка способна разгореться в такой вихрь, что становится трудно различить историю каждой отдельной песчинки, некогда бывшей каплей воды в безбрежном море.

Джакарта

Шум ветра и слепящее солнце — первое, что ощутила Джакарта. Она приоткрыла глаза, но вместо четкого изображения увидела лишь размытые полосы света и тени, перетекающие друг в друга. Мир выглядел искаженным.

«Где я?..» — мысль прозвучала в голове глухо, будто из-под толщи воды.

Она попыталась приподняться — и не почувствовала ни тяжести рук, ни ног. Не было ощущения опоры, не было привычного контроля над телом. Вместо этого — странное, чуждое чувство равновесия и непривычный угол зрения: будто мир лежал перед ней в горизонтальной плоскости, а сама она прижалась к поверхности всем телом.

Ветер нес мелкие частицы — они царапали то, к чему она прижималась. Джакарта попыталась повернуть голову, но не ощутила движения мышц шеи. Вместо этого все пространство перед глазами плавно сдвинулось, словно она смотрела через объектив, который медленно поворачивают в гнезде.

«Почему так трудно двигаться? Почему все выглядит... иначе?» — мысли путались.

Она снова попыталась «посмотреть» вбок — и снова мир сместился единым кадром, без привычных микрокорректировок взгляда. Никаких век, никаких ресниц — только неподвижный панорамный обзор, как будто глаза выросли в лицо и больше не принадлежали ей.

Джакарта сосредоточилась, пытаясь разглядеть себя. Сначала она заметила что-то твердое, сегментированное, с тусклым металлическим блеском, лежавшее перед ней на песке. Она приняла это за случайный предмет, оброненный кем-то. Но когда попыталась отодвинуться — это нечто сместилось вместе с ней.

Холодок пробежал по... по тому, что должно было быть спиной. Она попыталась пошевелить пальцами — но вместо этого увидела, как странные отростки вцепились в поверхность. Движение было чужим, механическим, будто тело принадлежало не ей.

«Что со мной? Почему я не могу...»

Память рассыпалась на фрагменты. Джакарта помнила, как ходила, говорила, смеялась. Помнила тепло человеческих рук, мягкость волос, ощущение ткани под пальцами. Но сейчас все это казалось далеким, как сон, растворившийся на рассвете.

Собрав волю, она попыталась сдвинуться с места. Тело откликнулось с мучительной медлительностью — приподнялось, поползло вперед. Каждый сантиметр отвоевывался с невероятным трудом — словно она продиралась сквозь вязкий сон. Поверхность скрипела, забивалась в щели между пластинками, обжигая холодом.

Джакарта замерла, пытаясь осознать, что именно ее тревожит. Что-то было не так в самой механике движений — будто тело слушалось лишь наполовину, подчиняясь не ее воле, а какому-то врожденному, инстинктивному ритму. Она попыталась поднять руку — и не почувствовала привычного напряжения мышц. Вместо этого перед ее взглядом медленно приподнялись... клешни?

Она вгляделась в странные отростки с зазубренными краями, отливавшие тусклым металлическим блеском. Сначала Джакарта не соотнесла их с собой — они выглядели чужеродно, как оброненные кем-то инструменты, что случайно оказались на пути. Но стоило ей вновь попытаться сдвинуться — клешни последовали за ней, впиваясь в поверхность острыми концами.

Холод пронзил насквозь, словно ледяная игла. Это не просто отростки — это ее конечности. Она ими двигает.

«Нет... это не мои руки. Я не могу...»

Она отчаянно попыталась сжать пальцы — но вместо этого клешни лишь щелкнули, издав сухой, механический звук. Паника наливалась тяжестью, заполняя сознание: каждое движение подтверждало реальность, от которой хотелось убежать. Тело, которое она ощущала, не было человеческим. Оно было жестким, сегментированным, подчиненным иным законам.

Джакарта опустила взгляд ниже — и увидела панцирь, полосы хитина, переходящие в изогнутый хвост. Все это принадлежало ей, но казалось инородным, как чужой костюм, в который ее насильно заточили.

«Я... я не человек?»

Мысль обожгла изнутри, но память сопротивлялась. Она помнила себя другой: помнила, как ее руки касались лица, как пальцы перебирали ткань платья, как ноги несли ее по знакомым улицам. А теперь — только эти клешни, этот панцирь, это тело, которое двигалось *не так*, чувствовало *не так*.

Но имя оставалось. Имя — единственное, что связывало ее с прежней жизнью.

— Джакарта... — прошептала она или попыталась прошептать. Вместо голоса раздался лишь тихий, шипящий звук, похожий на шелест песка.

Вихрь становился все сильнее, песок бил в невидимое лицо. Джакарта — так ее звали? Это имя всплыло откуда-то из глубин памяти, чужое и далекое, словно отражение в мутном зеркале. Она попыталась ухватиться за него, за это единственное, что связывало с прошлым, но имя ускользало, растворяясь в песчаной буре. Внезапно вихрь стих. Солнце палило нещадно, но теперь Джакарта могла видеть горизонт. Там, вдалеке, что-то мерцало. Надежда, слабая и хрупкая, зародилась в песчаном сердце. Нужно ползти. Нужно узнать. Нужно вспомнить.

Она попыталась переместиться хоть на малое расстояние. Каждый сантиметр, преодоленный ею, казался целой вселенной. Песок скрипел под клешнями скорпиона, словно протестуя против его движения. Но Джакарта не сдавалась. Она тянулась вперед, не зная, что ждет ее впереди, но инстинктивно чувствуя, что именно там кроется ключ к ее прошлому и настоящему.

Солнце палило все сильнее, и Джакарта чувствовала, как песок под ней становится все более раскаленным. Клешни оставляли глубокие следы в песке, словно она была не просто существом, а частью самой пустыни. Но она продолжала двигаться вперед, несмотря на все препятствия.

Мерцание вдали становилось все ярче, и Джакарта чувствовала, что приближается к своей цели. Кто она такая? Как оказалась здесь? И что это за место?

Наконец, после долгих и мучительных усилий Джакарта достигла края песчаного холма. Перед ней открывался вид на небольшое поселение, окруженное стенами из песчаного камня. Поселение пульсировало, как мираж, как древний оазис, выгравированный на ладони времени. Надежда, доселе тлевшая угольком, разгорелась в груди Джакарты ослепительным пламенем. Каждый атом ее скорпионьей сущности отныне был пропитан жаждой познания, неукротимым стремлением к истине, подобно тому как корни баобаба пронизывают иссохшую землю в поисках живительной влаги. Она ощущала себя жалким коконом, готовым лопнуть, чтобы освободить пестрокрылую бабочку воспоминаний.

Достигнув подножия холма, Джакарта замерла. Ворота поселения, словно зеница ока циклопа, взирали на нее с немим укором. Решимость защищала ее от страха. Когда она приблизилась, перед ней раскрылись песчаные дюны Парангкусумо — места, расположенного всего в двадцати километрах к югу от Джокьякарты, на побережье Индийского океана.

Это было священное место, где время словно застыло между мифом и реальностью. В сердце дюн, укутанный золотистым песком, покоился Камень Любви³⁴ — не просто валун, а молчаливый свидетель древней легенды.

Говорят, именно здесь, под шепот прибоя и пение вечернего ветра, произошла судьбоносная встреча Панембахана Сенопати, основателя султаната Матарам, и Рату Кидул, владычицы Южного моря. В тот миг, когда их взгляды пересеклись, между миром людей и царством духов вспыхнула невидимая связь, а камень стал незримым алтарем их мистического союза.

^{34 34} Камень Любви — сакральный объект в дюнах Парангкусумо (южное побережье Явы). В яванской традиции считается местом встречи Панембахана Сенопати, основателя султаната Матарам, и Рату Кидул, владычицы Южного моря. Камень почитается как незримый алтарь их мистического союза и символ связи мира людей с царством духов.

Местные жители бережно передают эту историю из поколения в поколение и верят: камень до сих пор хранит эхо тех времен. Если прийти сюда с чистым сердцем и искренней молитвой, можно ощутить легкое дуновение ветра — словно дыхание самой Рату Кидул, — и получить ее благословение. Особенно чтут это место те, кто ищет любви: считается, что камень дарует силу чувств, укрепляет союзы и помогает обрести долгожданную взаимность.

Туристы и паломники оставляют у камня подношения: нежные лепестки цветов, горсти риса, блестящие монеты, — как знак уважения к древней легенде. А закатные лучи, окрашивающие песок в багряные тона, превращают это место в живую картину, где каждая песчинка кажется частицей вечного мифа.

Джакарта застыла у Камня Любви, словно приросшая к месту. Ее клешни безвольно лежали на песке, а хвост, обычно готовый к молниеносному удару, бессильно обвис. Она попыталась сдвинуться с места, но что-то невидимое удерживало ее, будто сама земля не желала отпускать скорпиона от древнего артефакта.

Каждое движение давалось с трудом, будто песок вокруг стал вязким, как смола. Джакарта чувствовала странное оцепенение — не физическое, а идущее откуда-то из самой сути ее существа. Камень словно притягивал ее, не позволяя уйти, храня какую-то важную тайну.

Внезапно воздух вокруг начал меняться. Легкий бриз, до того едва касавшийся песчинок, стал прохладнее, неся с собой запах моря и жасмина. Песок у ног Джакарты зашевелился, складываясь в причудливые узоры, а над дюнами возникла едва заметная тень.

Сначала Джакарта подумала, что это просто игра света и тени, но ощущение чьего-то присутствия стало настолько сильным, что волосы на ее прежнем теле встали бы дыбом. Ветер усилился, принося с собой соленый привкус океана, и в этом дуновении было что-то знакомое, почти родное.

Она подняла глаза — и замерла. На вершине дюны, там, где небо встречалось с песком, возникло размытое очертание. Оно не было материальным, но и не казалось миражом. Силуэт, похожий одновременно на женщину и на морскую волну, застыл, наблюдая за ней.

Джакарта почувствовала, как по ее панцирю пробежал холодок. Это было не просто ощущение — это было знание, древнее и глубокое, как само море. Существо на дюне не двигалось, но его присутствие наполняло все вокруг особым смыслом.

Медленно, почти неохотно, существо начало спускаться по склону. Оно не оставляло следов, песок словно расступался перед ним, создавая дорожку из мерцающих песчинок. С каждым шагом очертания его силуэта становились все четче, а аура — осязаемее.

Джакарта не могла отвести взгляда. Что-то в этом существе пробуждало в ней воспоминания, которых не должно было быть. Воспоминания о воде, о зелени, о голосе, похожем на шум прибоя...

Существо остановилось в нескольких шагах от нее. Его глаза — глубокие, как океанские впадины, — не отрываясь смотрели на скорпиона, словно пытались прочесть его историю в узоре панциря.

В воздухе повисло напряжение, как перед грозой. Джакарта чувствовала: сейчас произойдет что-то важное — то, что изменит все. Но она еще не знала, что существо перед ней — не просто наблюдатель, а сама Ньи Роро Кидул^{35 35}, владычица Южного моря, хранительница древних тайн и тайны ее собственного происхождения.

Ньи Роро Кидул появилась бесшумно, словно соткалась из морского тумана. Ее зеленые одеяния переливались в лучах заходящего солнца, а волосы, похожие на морские волны, каса-

^{35 35} Ньи Роро Кидул (яванск. Nyi Roro Kidul, «госпожа-дева Юга») — в яванской мифологии владычица Южного моря (Индийского океана), богиня-покровительница побережья Явы. Ее имя и культ восходят к доисламским анимистическим верованиям.

лись песка. Владычица Южного моря остановилась на вершине дюны, и ее взгляд упал на скорпиона, застывшего у камня.

— Интересно, — голос ее прозвучал как шум прибоя. — Кто ты, создание, что не может оторваться от моего дара?

Скорпион не шевелился. Магия момента окутала и его, и все вокруг.

— Скорпионы не заходят в мои владения... — прошептала владычица, и ветер повторил ее слова эхом. — Но если пришел один — значит, часы отсчитывают новый век.

Песок под лапками Джакарты мерцал, словно впитал звездный свет. Рату Кидул стояла в трех шагах — не приближалась, но и не отступала. Ее зеленые одежды сливались с тенями дюн, а глаза отражали багровое сияние Камня Любви.

— Тебя не должно быть здесь, — голос владычицы звучал как прибой, набегающий на берег. — Скорпионы не ходят тропами духов.

Джакарта не ответила. Она и не могла — ее тело было сковано силой, что исходила от камня. Но в голове, будто сквозь толщу воды, прозвучало: «Она видит меня. Она говорит со мной».

Рату Кидул наклонила голову, словно прислушиваясь к невидимому шепоту. Песок у ее ног зашевелился, складываясь в узоры: спирали, волны, очертания, напоминающие древние письмена.

— Или, может, ты именно там, где должна быть? — прошептала она. — Камень не отвергает тебя. Он... признает.

Рату Кидул посмотрела на Камень, который сиял ярче, чем прежде. Его багровое свечение пульсировало в такт невидимому сердцу, отбрасывая причудливые блики на песок. В отсветах этих узоров, рожденных ветром у ног владычицы, возникли новые контуры — теперь они напоминали не только волны и спирали, но и очертания древних символов, будто высеченных на стенах подводного дворца.

Рату Кидул поправила край одеяния — ткань струилась, как прибой, переливаясь от бирюзового до чернильно-синего. Это был легендарный аквамариновый шелк гадхунг м'латхи^{36 36}, чье название передавали из уст в уста на Яве. В складках ткани затрепетали золотые блики, будто солнечные лучи, пробившиеся сквозь толщу воды.

Она взглянула на скорпиона и мягко улыбнулась.

— Знаешь, милое создание, когда-то я говорила с самим Эхнатомом, фараоном Египта. Мы встретились у портала, где миры соприкасаются, как волны и песок. Он посмотрел на это место и сказал: «Это не просто проход. Это пантеон любви».

Она сделала паузу, позволяя словам осесть в тишине. Узкий шелковый пояс, обвивавший ее талию, мерцал узором из перевитых золотых нитей. Это были то ли стилизованные волны, то ли древние письмена, известные лишь духам дюн, — разглядеть как следует не удавалось, словно ткань намеренно скрывала полный смысл изображения.

— Он все превращал в любовь. Солнце — в символ любви. Город — в храм любви. Даже свои сомнения он называл любовью. «Люботворил», если можно так сказать. Каждое его слово, каждый жест — все становилось любовью.

Когда она вновь повернулась к скорпиону, из-под верхнего слоя ее одеяния показалась подкладка — ослепительно-белая, с золотистым свечением. Это было похоже на лунную дорожку, что тянется по ночной глади моря, едва заметная, но неуловимо прекрасная. Ткань колыбалась в такт ее дыханию, то скрывая, то вновь открывая этот тайный свет — словно сама богиня хранила в себе отблеск иного мира.

^{36 36} Гадхунг м'латхи (яванск. gadhung mlathi) — в яванской мифопоэтической традиции особый вид шелковой ткани аквамаринового оттенка, прочно ассоциирующейся с Рату Кидул, владычицей южных морей.

— А я не заклинаю — я чувствую. Море любит без слов. Оно топит — и это любовь. Оно бьется о берег — и это молитва. Ты думаешь, милое создание, что твоя природа — яд и смерть? Нет. Ты часть этого пантеона. Ты тоже люботворишь. Только по-своему.

Рату Кидул медленно приблизилась к скорпиону. Ее тень легла на песок, превратившись в причудливый узор, похожий на раскрытую ладонь. Воздух вокруг задрожал, рождая зыбь, как над морской гладью перед бурей, а в складках ее одеяния, отражая багровый свет Камня, вспыхнули и погасли алые отсветы.

— И привела тебя в это место тоже любовь, — произнесла она тише, и в ее голосе зазвучал не упрек, а печальная уверенность. — Но... наверное, к чему-то недоступному. Грешному. Проклятому. Иначе тебя бы не было здесь.

Она протянула руку, и над панцирем скорпиона вспыхнули тусклые алые искры, тут же погасшие в полумраке. В воздухе разлился терпкий запах соли и далекой грозы.

— Ты заколдована, дитя песков, — прошептала Рату Кидул, и ее пальцы едва коснулись скорпионьего панциря. В ее глазах отразилось нечто древнее, словно память самого моря. — Заклятие держит тебя между мирами. Я могу облегчить твою муку, дитя. Хотя я знаю всех своих морских жителей, я не могу не любить все живое, что являлось на моих землях. И делаю это во благо тем чувствам, что однажды породили всех богов, — любви и состраданию.

Рату Кидул рассмотрела скорпиона поближе и произнесла:

— Я отправляю тебя туда, где твой яд станет силой, а панцирь — броней. В великие пески Египта. Там, где правит Селкет, ты найдешь свое место под солнцем. Это не изгнание, дитя, это милосердие.

С этими словами она призвала волну. Это был не гневный шторм, а направленный, мистический поток. Воды Южного моря вздымались, окутывая проклятую сущность Джакарты. Вода замерцала неестественным светом — то ли зеленым, то ли синим, — и обняла скорпиона. Это объятие не топило и не ранило — оно переносило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.